БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

НАШЪ РОДНОЙ УЧИТЕЛЬ.

(К. Д. УШИНСКІЙ).

ЕГО ДѢТСТВО, ЮНОСТЬ, МЕЧТЫ И ТРУДЫ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. Е. ЕРМИЛОВА.

Съ портретомъ и съ рисункомъ.

Цѣна 30 к.

Москва.—1916.

ОИК
Эф. необр.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

НАШЪ РОДНОЙ УЧИТЕЛЬ.

(К. Д. УШИНСКІЙ).

ЕГО ДѢТСТВО, ЮНОСТЬ, МЕЧТЫ И ТРУДЫ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

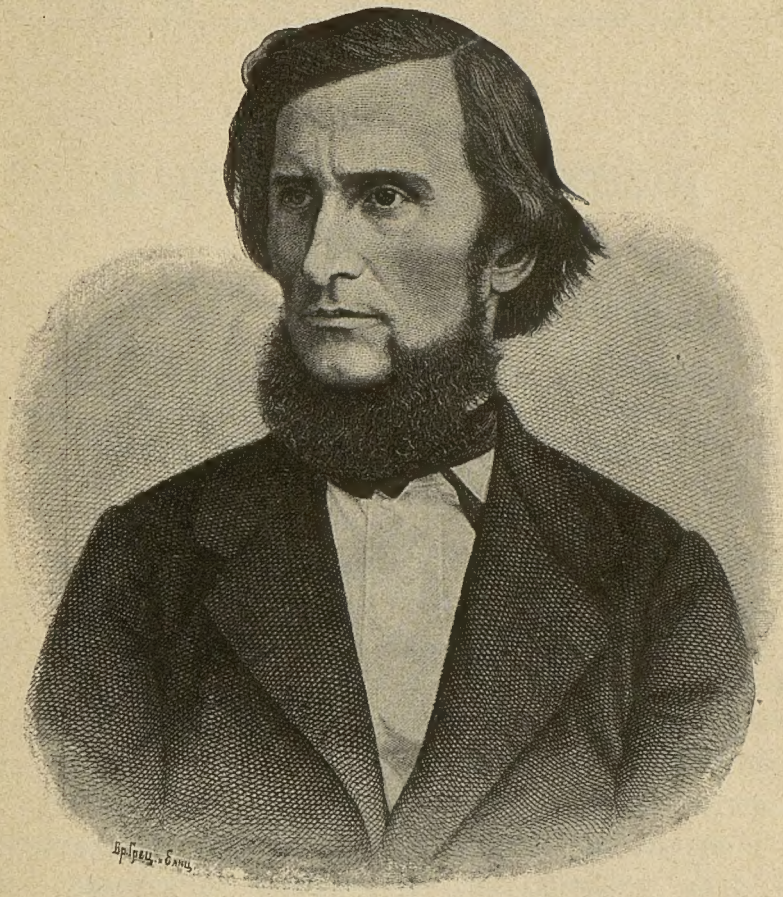
В. Е. ЕРМИЛОВА.

Съ портретомъ и съ рисункомъ.

3-е изданіе редакціи журнала „Юная Россія“.
Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА.
АРБАТЪ, НИКОЛЬСКІЙ ПЕР., ДОМЪ № 21.
1916.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
1088585



Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

Род. 1824 г.—Ум. 21 декабря 1870 г.

НАШЪ РОДНОЙ УЧИТЕЛЬ.

(К. Д. Ушинскій).

I.

Мечты гимназиста.—Его раннее дѣтство.—Барабанщикъ.—Доигрался.—Гадкій Иродъ.—Не хорошо быть маленькимъ.—Все азбука, да азбука!...—Отчего бабуся плачетъ?

— Тысяча пятьсотъ... Уфъ, усталъ!..

Такъ бормоталъ гимназистъ Костя, ученикъ третьяго класса, считая свои шаги и спускаясь по крутому берегу Десны черезъ громадный оврагъ.

— И чего это я вздумалъ такъ бѣжать? Все равно не нагналъ бы Петрова. Онъ всегда приходитъ въ 8 часовъ, а я вышелъ въ 7,—стало быть, запоздаю ..

Костя жилъ далеко отъ гимназіи, въ четырехъ верстахъ, на хуторѣ. Его нисколько не смущало такое разстояніе; напротивъ, онъ старался идти самымъ длиннымъ путемъ, и только потому, что ужъ очень живописна была мѣстность, по которой ему приходилось идти.

Ему пріятно было походить и помечтать. Чего-чего не вспоминалось ему по дорогѣ! Вотъ онъ идетъ себѣ совершенно машинально, не глядя на то, что у

него подъ ногами. Отъ этого онъ не рѣдко по дорогѣ наскакиваетъ на какой-нибудь камень, попадаетъ въ яму, натыкается на дерево, а то вдругъ услышитъ внезапно лай собаки и сразу вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ: такъ далеки были и уши, и взоры его, отъ всего окружающаго.

Сейчасъ онъ весь ушелъ въ воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ, когда ему было лѣтъ шесть. Живо представляется ему, какъ онъ, въ день Рождества Христова, получилъ первый въ жизни своей серьезный подарокъ—книгу съ картинками, а сестрамъ и братьямъ достались обыкновенныя игрушки: дѣвочкамъ—новыя фарфоровыя куклы, одному брату—лошадка, а другому—барабанщикъ. Владѣлецъ барабанщика слишкомъ увлекся музыкою: онъ заставлялъ барабанщика поминутно безъ отдыху, безъ сроку бить тревогу такъ, что, въ концѣ концовъ, у несчастнаго барабанщика руки перестали подниматься. „Доигрался“,—поддразнилъ мальчика Костя. А тотъ вмѣсто отвѣта залился слезами.

Помнитъ Костя и то, какъ ему хотѣлось попасть къ обѣднѣ, но его не взяли по случаю сильнаго мороза. Онъ только тогда утѣшился отъ этого огорченія, когда въ домѣ явились „священники“, т. е. батюшка, дьяконъ и дьячокъ. Онъ съ радостью слушалъ и пѣніе, стараясь понять каждое слово. А они пѣли чудныя священныя пѣсни о томъ, какъ родился Спаситель, какъ показалась на небѣ новая звѣзда, какъ восхваляли Господа ангелы вмѣстѣ съ пастухами, и какъ мудрецы съ востока заходили поклониться Божественному Младенцу. Слушаетъ мальчикъ ихъ пѣніе и думаетъ: „А, должно быть, тамъ,

гдѣ родился Христосъ, не бывало такихъ холодовъ, какъ у насъ: иначе пастухи не рѣшились бы ночевать въ полѣ"...

А какую красивую звѣзду сдѣлалъ дьячокъ! Онъ на это мастеръ. Удался ему и вертепъ; удивительно, какъ ловко страшная смерть срубила голову этому противному, злому Ироду. Костя такъ разсердился на Ирода, что прыгалъ отъ радости, приговаривая:— „По-дѣломъ! По-дѣломъ! Не мучь младенцевъ! Не обижай Христа!"

Мама тогда его остановила, сказавъ, что радоваться чужому несчастью не годится: мы должны прощать всѣмъ ненавидящимъ насъ, всѣмъ врагамъ, всѣмъ злымъ людямъ, и не только не желать имъ зла, но даже молиться за нихъ.

А какъ весело встрѣтилъ Костя черезъ нѣсколько дней послѣ того Новый Годъ!

Гостей было много-много! Вотъ ужъ пробило 10 часовъ, остается подождать всего какихъ-нибудь два часа, а у Кости глаза начали слипаться. „Бѣдняжка! Не дождаться тебѣ Новаго Года: проспишь!" — съ улыбкой сказалъ ему папа.— „Шелъ бы ты лучше спать, а то, не ровенъ часъ, свалишься тутъ со стула",— совѣтовалъ онъ Костѣ.

Но Костѣ ужасно не хотѣлось уходить изъ залы. Онъ остался на своемъ стулѣ, сначала оживленно прислушивался къ разговорамъ гостей, потомъ сталъ отдаваться мечтамъ и, наконецъ, заснулъ. Такъ и не слыхалъ, какъ пробило 12 часовъ. Его такъ и уложили не раздѣтымъ въ постель.

Зато проснулся онъ раннимъ-рано и, такъ какъ всѣ въ это время спали, то онъ съ няней пошелъ

гулять по двору и по аллеямъ сада. Морозъ былъ опять трескучій. Костя чуть не отморозилъ себѣ щеку, игралъ съ няней въ снѣжки, катался съ ледяной горы въ маленькихъ санкахъ, три раза перекувыркнулся,—вообще, было очень весело.

Когда онъ пришелъ домой, тамъ всѣ уже встали. Папа подошелъ къ мамѣ, поцѣловалъ ей руку, поздравилъ съ Новымъ Годомъ, пожелалъ ей новаго счастья. Мама надѣла на Костю новую рубашку. Пришли крестьянскія дѣти, съ которыми Костя часто игрывалъ на дворѣ: Ванька, Петька, Митька, Соня, Надя,—всѣхъ и не перечислишь, много ихъ пришло. И стали они всѣхъ обсыпать ячменемъ и пшеницею. Это обозначало, что они желали, чтобы въ Новомъ Году былъ хорошій урожай.

Вечеромъ поѣхали въ гости къ тетушкѣ. Тамъ играли въ фанты, гадали и пѣли подблюдныя пѣсни. Костя и тамъ подъ конецъ заснулъ. Когда онъ уже одѣвался въ передней и прощался съ веселой тетушкой, та спросила его: „Какой начался сегодня годъ: простой или високосный?“ Костя не могъ отвѣтить. Всѣ засмѣялись, онъ заплакалъ.

Черезъ пять дней обѣдъ былъ очень поздно, при свѣчахъ: дожидались святой воды. Ночью стоялъ небывалый морозъ: Костя самъ слышалъ какъ трещало. А няня говорила, что въ саду нашли двухъ замерзшихъ воронъ. Какъ жаль, что по случаю холода Костю не взяли на Крещенье на Іордань. Мама говорила: — „Нельзя тебя брать, замерзнешь, какъ тѣ бѣдныя вороны“. Костя горько плакалъ, что его не взяли. „Ахъ, какъ нехорошо быть маленькимъ,—думалъ онъ,—хоть бы скорѣе вырасти. Что для этого

сдѣлать? Говорятъ надо подольше стоять подъ дождемъ... Когда-нибудь попробую".

Приходили опять „священники", кропили весь домъ святой водой и пѣли, какъ Іоаннъ Предтеча крестилъ Спасителя въ Іорданѣ, какъ сошелъ съ неба Духъ Святой въ видѣ голубя ,и раздался голосъ самого Бога: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ". Дьячокъ нарисовалъ на дверяхъ большой красный крестъ.

„Весело-то, весело провели мы праздникъ,—думаетъ Костя,—а какъ вспомнишь, что завтра учиться, такъ даже сердце зажмется". Мама спросила его: „Отчего ты. Костя, то шумишь, прыгаешь, поешь, то вдругъ задумаешься, сядешь въ уголокъ и пригорюнишься?"

— А это оттого,—отвѣчаетъ онъ,—что мнѣ жалко разстаться съ праздниками: не хочется завтра учиться все азбукѣ, да азбукѣ, да писать палочки, ужасная скука.

— Ахъ, Костенька, Костенька, какой ты, право, смѣшной мальчикъ,—отвѣчаетъ мама: — какъ ты не догадаешься, что если бы ты гулялъ круглый годъ, то для тебя и праздникъ былъ бы не въ праздникъ. Отдохнуть пріятно только тогда, когда много работалъ. А какъ ничего не дѣлаешь, такъ такая тебя возметъ скука, что и бѣлый свѣтъ будетъ не милъ.

Костя не понялъ ея словъ и сталъ думать о томъ, много ли дней остается до масленицы. Но такъ какъ онъ ариѳметикѣ еще не учился, то ничего и не могъ разсчитать. И заснулъ онъ съ чувствомъ обиды, а на кого и за что,—и самъ не зналъ. И слезы капали изъ его глазъ, когда онъ засыпалъ.

Но не долго пришлось Костѣ ждать, меньше мѣсяца, какъ глядишь, наступилъ новый большой праздникъ—Срѣтеніе Господне. Папаша утромъ, послѣ чаю, посадилъ Костю въ своемъ кабинетѣ на диванчикъ, пошелъ за бабушкой, привелъ ее подъ руку, посадилъ на самое широкое, мягкое кресло съ большою пухлою подушкой, подставилъ ей подъ ноги скамеечку, поцѣловалъ ей руку и ласково прибавилъ: „Ну слушайте же, матушка"! А потомъ, обратившись къ Костѣ, замѣтилъ: „А ты, Костя, если чего не поймешь, потомъ меня спроси, а во время чтенія не перебивай".

Костя сразу догадался, въ чемъ дѣло, и весь обратился въ слухъ. Онъ зналъ, что папаша всегда говоритъ такъ торжественно тогда, когда хочетъ прочесть Евангеліе. А читалъ онъ очень увлекательно, внятно, съ благоговѣніемъ и нерѣдко прерывалъ свое чтеніе, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Мальчикъ слушалъ мѣрное чтеніе отца, и въ головѣ его живо представлялась цѣлая вереница умилительныхъ картинъ. Вотъ идутъ Пресвятая дѣва Марія и Іосифъ съ Младенцемъ Іисусомъ въ храмъ Іерусалимскій, чтобы представить его Господу Богу, потому что Онъ былъ у нихъ Первенецъ. „Іосифъ съ Богоматерью были бѣдненькіе, бѣдненькіе",—думаетъ мальчикъ. — Папаша говорилъ вчера, что кто былъ побогаче, тѣ приносили въ жертву голубя и ягненка, а бѣдные—только двухъ голубей. Божія Матерь принесла только двухъ голубей"...

Мальчикъ думаетъ: „Интересно было бы жить въ тѣ времена, посмотрѣть на Спасителя-Младенца, на Святую Дѣву"... Особенно хотѣлось бы Костѣ погля-

дѣть на іудеевъ послѣ чудеснаго Воскресенія Христа: какъ они тогда встрѣчались съ Богородицей? Имъ, должно быть, было очень стыдно подойти къ Ней; они такъ обижали, огорчали, мучили Спасителя!..

Потомъ Костя представлялъ себѣ, какъ Симеонъ Богопріимецъ обрадовался, увидавъ Младенца, взялъ Его на руки, благословилъ Его и, облегченно вздохнувъ, возблагодарилъ Господа словами: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ“, причемъ предсказалъ, что Младенецъ будетъ славой народа израильскаго и просвѣтитъ язычниковъ.

Когда папаша кончилъ читать Евангеліе, добрая бабушка заплакала. Костя долго-долго потомъ думалъ: отчего это заплакала бабушка? То ему казалось, что она вспомнила про себя, что и она такая же старенькая, какъ и Іосифъ, и ей скоро нужно будетъ помирать; то онъ думалъ, что ей жалко было бѣдныхъ Іосифа и Марію; то онъ рѣшалъ такъ: бабуся заплакала оттого, что старецъ Симеонъ предсказалъ бѣдной Матери Маріи, что она много-много будетъ страдать ради Своего Сына. Развѣ легко было Богородицѣ это слышать? Ей и безъ того горько жилось.

Засыпая ночью въ постели, Костя опять задумался о Маріи Дѣвѣ, Іосифѣ, Симеонѣ, потомъ снова о бабушкѣ, и послѣднею его мыслью передъ сномъ было: „А какая у меня славная, добрая бабуся! Нѣтъ, пусть Господь ее не беретъ къ себѣ на небо, а то мнѣ будетъ скучно, скучно; да и папа привыкъ къ ней, и всѣ дѣти и даже няня“...

Тутъ онъ сразу заснулъ.

II.

Не все коту—маслеица.—Костя за молитвой.—Первоклассникъ.—Суббота-Воскресенье.—Херувимчикъ.—Вербочки.—Весна.—Первая исповѣдь.—Евангеліе.—Донесъ свѣчу.

Костя оглянуться не успѣлъ, можно сказать, а масленица, о которой онъ мечталъ еще на святкахъ, тутъ какъ тутъ: пріѣхала она, широкая, Костю на горахъ покатать, въ блинахъ повалять. Костя страхъ какъ обрадовался! А ужъ блиновъ сколько ѣлъ! Онъ держалъ съ Ваней Гавриловымъ пари, кто больше съѣстъ? Ваня проигралъ и подарилъ ему хлопушки. Костя цѣлые дни хлопалъ, хлопалъ, да дохлопался до того, что не замѣтилъ, какъ наступилъ постъ.

— Что, батюшка?—сказалъ папа.—Знать не даромъ говорится пословица, что не все, молъ, коту масленица,—придетъ и великій постъ.

Костя вдругъ вспомнилъ, какъ онъ первый разъ говѣлъ. Это было въ третьемъ году. Тогда онъ былъ первоклассникъ. Онъ помнитъ, что въ домѣ тогда съ перваго же дня поста воцарилась полная тишина, точно всѣ вымерли. На улицахъ тоже тихо. Только изрѣдка слышишь: „Донъ-донъ, донъ-донъ!“ Колоколъ зоветъ прихожанъ помолиться о грѣхахъ, звонъ протяжный, медленный, печальный.

Костѣ становится грустно: онъ вспоминаетъ, какъ нехорошо себя велъ на масленой, какъ обижалъ маленькихъ,—ему становится стыдно. Онъ идетъ въ церковь, покупаетъ на послѣднія двѣ копѣйки свѣчку, ставитъ ее самъ къ любимой иконѣ и горячо, горячо припадаетъ на колѣни, мысленно повторяя за ста-

ренькимъ, добренькимъ батюшкой: „Господи и Владыко живота моего! Духъ праздности“... На этомъ словѣ *„праздности“* онъ особенно ударяетъ, кладя усердный поклонъ и каясь въ своей лѣности и невниманіи къ ученію.

Молитъ онъ отучить его и отъ *празднословія*, въ которомъ онъ такъ много грѣшенъ и за которое ему такъ часто доставалось и отъ бабушки, и отъ папы, и отъ надзирателя гимназіи. И проситъ, въ виду приближенія къ экзаменамъ, ниспослать ему сколько можно болѣе *терпѣнія*, чтобы перечесть, повторить все, все, что прошли въ году—все безъ пропусковъ, безъ обмана, безъ утайки.

„Стыдно обманывать учителей, да и Богъ накажетъ за лѣнь, за нерадѣніе“,—думаетъ онъ со страхомъ.

Бабушка не пропускаетъ ни одной службы, она надѣла темное платье и принялась говѣть,— стала теперь еще болѣе доброй и ласковой, чѣмъ прежде, часто молится, вздыхаетъ, плачетъ.

Быстро, незамѣтно пролетѣли шесть недѣль поста, и Костя первоклассникъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣтилъ день роспуска—вербную субботу. Придя домой, онъ былъ озадаченъ вопросомъ, съ которымъ къ нему обратился папаша:

— Когда воскресенье бываетъ въ субботу?

Костя отвѣтилъ:

— Это не можетъ быть! Это никогда не бываетъ.

Отецъ засмѣялся:

— Какъ ты не догадливъ, братецъ мой,—замѣтилъ онъ первокласснику.

Вѣдь, не больше двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а какая разница между тѣмъ временемъ и теперешн-

нимъ! „Теперь я сумѣлъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ безъ запинки, — думаетъ нашъ третьеклассникъ,— теперь бы прямо сказалъ, что на вербной недѣлѣ въ субботу празднуется воскрешеніе Лазаря,—вотъ и все, очень просто. Ахъ, какъ я былъ глупъ тогда".

„А это развѣ не глупость",—опять вспоминаетъ третьеклассникъ,—„что я думалъ, будто Богъ велитъ всѣхъ бить вербами, и ужасно хотѣлъ, чтобы меня били какъ можно больнѣе. Я думалъ, что отъ этого мнѣ будетъ очень хорошо, сбудутся всѣ мои желанія, и я выдержу экзаменъ и перейду во второй классъ".

А какъ нѣжно цѣловалъ тогда Костя румянаго воскового херувимчика, котораго онъ утромъ нашелъ у себя заткнутымъ за кроваткой! Какъ сейчасъ помнитъ мальчикъ, что онъ особенно полюбилъ своего херувимчика за его сходство съ любимой своей сестренкой: она была такая же маленькая и толстенькая, какъ херувимчики, которые утромъ достались каждому изъ дѣтей.

Вербное воскресенье того года особенно пріятно вспомнить мальчику потому, что какъ разъ въ этотъ день, на вербочкахъ замѣтны стали пушистые барашки, въ домѣ выставлена была первая рама.

По этому поводу папа велѣлъ дѣтямъ запомнить чудные стихи, которые ужасно понравились всѣмъ дѣтямъ.

Весна! Выставляется первая рама!
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Но вотъ наступилъ Страстной понедѣльникъ, и Костя началъ первый свое говѣнье. Говѣлъ онъ вмѣ-

стѣ съ папой: папа былъ очень богомоленъ, не пропускалъ ни одной заутрени, ни одной обѣдни, ни вечерни, и на всякую службу бралъ съ собой Костю.

Съ какимъ страхомъ передъ Господомъ Богомъ за свои грѣхи пошелъ Костя въ среду на исповѣдь! Особенно страшно было потому, что это было въ первый разъ въ жизни.

Послѣ исповѣди Костя пріутихъ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, все время думалъ о своей жизни, о сестрахъ, о братьяхъ, о томъ, какъ онъ ихъ обижалъ, — и горько, горько ему было вспомнить объ этомъ, и стыдно было передъ всѣми, и онъ рѣшилъ впредь не обижать никого и молилъ объ этомъ Бога.

Послѣ причастія Костя цѣлый день не бѣгалъ, и ему ужасно хотѣлось не грѣшить: тогда бы онъ сталъ святымъ, такъ какъ ему прощены всѣ грѣхи. Весь день онъ сидѣлъ возлѣ бабушки и читалъ ей Евангеліе.

Вечеромъ въ четвергъ Костя ходилъ на Страсти. Священникъ посреди церкви читалъ, какъ страшно мучили Спасителя. Нельзя было не плакать, слушая о томъ, какъ нашего добраго, милосердаго Христа привязали къ столбу, били бичами, какъ надѣли на голову Его вѣнецъ изъ тернія, какъ на Него плевали... „Боже, Боже мой!“—думалъ тогда Костя:—„какіе злые были эти мучители!“ А когда священникъ дошелъ до того мѣста, гдѣ разсказывается, что воины били Его по головѣ, отчего терновыя иглы вонзались въ голову и кровь струилась по Его лицу,—тутъ Костя залился слезами и съ особеннымъ чувствомъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, мысленно повторяя за тѣми, кто пѣлъ на клиросѣ: „Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!“

Не легко было мальчику выстоять всѣ двѣнадцать Евангелій; но онъ выстоялъ. Вечеръ былъ довольно тихій, и Костя несъ домой зажженую страстную свѣчу, осторожно ступая ногами по улицѣ и ограждая рукою свѣчу отъ вѣтра: и какъ онъ былъ счастливъ, когда такъ и донесъ священный огонь до своей комнатки! „Смотрите! Смотрите!—восторженно кричалъ онъ всѣмъ:—безъ фонаря дошелъ и донесъ свѣчу до дому!“

Пришла къ нему бабушка, взяла свѣчу и выжгла на дверяхъ кресты.

III.

„Ахъ, бѣда, бѣда!—Мечты о флотиліи.—Нехорошія шалости.—Куренье—гадость.—Ученье въ гимназіи.—Чудесный переводчикъ.—Споръ.—Къ нѣмцу!—Костя побѣдилъ.—Провалъ на экзаменѣ.—Выдержалъ.

Костя уже началъ вспоминать о томъ, какъ весело привыкъ встрѣчать онъ Пасху, но вдругъ мечты его пресѣклись разомъ; онъ почувствовалъ, что правая его нога завязла въ лужѣ, полной грязи. Съ трудомъ онъ тащилъ оттуда ногу и чуть, было, не остался безъ сапога.

„Ахъ, бѣда, бѣда! Какой я грязный приду въ гимназію!—подумалъ онъ съ испугомъ.—Какъ бы не попасться на встрѣчу Ильѣ Ѳедоровичу!“

Однако не подумайте, что на этой мысли онъ станетъ долго останавливаться. Ничуть,—не прошло и минуты, а ужъ онъ совсѣмъ забылъ о грозящихъ ему непріятностяхъ, въ видѣ выговора, а можетъ, и

наказанія отъ директора,—и въ головѣ у него прошла цѣлая вереница фантастическихъ плановъ.

— А какую мы построимъ флотилію,—просто роскошь! Это хорошо, что мы вчера съ Васькой Козловымъ три доски изъ монастырской ограды вынули; вотъ онѣ намъ и пригодятся; изъ нихъ выйдутъ чудные плоты, мы пустимъ ихъ по главной лужѣ, и они подкатятъ къ самой квартирѣ монастырскаго эконома. Вотъ, ловко-то! Вотъ, удивится-то онъ!

Костя,—Богъ съ нимъ,—не понималъ, что онъ дѣлаетъ нехорошее дѣло, разрушая ограду сосѣдняго монастыря. Нечего и говорить про то, что онъ очень рисковалъ, подвергая себя за это новымъ наказаніямъ: и безъ того Илья Ѳедоровичъ.—такъ звали директора гимназіи,—былъ очень имъ недоволенъ.

Особенно сердился директоръ за то, что Костя съ товарищами сталъ часто забираться въ монастырскій садъ и производить тамъ опустошенія: они рвали съ густыхъ, вѣтвистыхъ деревьевъ всѣ, — сколько имъ попадалось на глаза,—яблоки и груши.

Костя былъ, какъ видите, большой шалунъ, но онъ былъ и совѣстливъ, и послушенъ, когда къ нему старшіе подходили съ ласкою и кротко уговаривали его бросить ту или другую дурную привычку или шалость.

Такъ вчера, напримѣръ, подошелъ къ нему одинъ пятиклассникъ, когда онъ преважно курилъ изъ глиняной самодѣльной трубочки съ очеретовымъ чубукомъ.

— Ну, какъ тебѣ не стыдно, Ушинскій,—сказалъ онъ Костѣ,—тебѣ всего одиннадцать лѣтъ, а ты начинаешь пріучаться къ такой гадости—куренію. Вѣдь

...ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ...ЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ты малый добрый, умный, хорошій, — брось, право, братецъ, брось. Вѣдь, это къ добру не приведетъ.

И онъ принялся просто, толково и задушевно убѣждать Костю во вредѣ куренья. Послѣ этой бесѣды Костя бросилъ трубку и больше не курилъ.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ добрый мальчикъ, хорошій товарищъ, всегда заступался за слабыхъ, и его всѣ любили. Онъ часто запросто хаживалъ въ гости къ самымъ бѣднымъ товарищамъ и приносилъ имъ гостинцы, лакомства.

Отецъ Кости былъ человѣкъ далеко не бѣдный. Онъ занималъ должность уѣзднаго судьи въ маленькомъ городкѣ Новгородъ-Сѣверскѣ, гдѣ жилъ въ собственномъ домѣ.

Это былъ роскошный домъ, расположенный на высокомъ берегу Десны, откуда открывалась чудная панорама на много верстъ кругомъ. При домѣ былъ огромный дворъ, службы и прекрасный фруктовый садъ, изрытый оврагами, переполненными зеленью.

Костя такъ любилъ свой родной уголокъ, что остаться въ городѣ по случаю дурной погоды, метелицы или сильнаго мороза, было для него ужаснымъ несчастіемъ: онъ забывалъ тогда, что онъ уже не маленькій, не первоклассникъ какой-нибудь, и плакалъ, рыдалъ навзрыдъ.

Зато какъ ему пріятно было, — что это было за наслажденіе — въ праздничный, неучебный день или во время каникулъ забраться въ свой любимый, родной садъ, въ какой-нибудь изъ овраговъ поглубже, такъ, чтобы его оттуда никто не видалъ, прилечь на травку, заложивъ подъ голову руки и устремить свои черные, лестящіе глаза въ безпредѣльную небе сную синеву!..

„Боже мой,—писалъ Ушинскій черезъ много лѣтъ послѣ, вспоминая про эти золотые дни дѣтства и юности,—сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ „кручахъ“, нависшихъ надъ рѣкою! Какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта.

„Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, проглядывавшая тамъ и сямъ изъ-подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи,—все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и впечатлѣнія бытія до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный.

„Но вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и непріятная нагота деревьевъ въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими, таинственными, зелеными глубинами; вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто меня ждало тамъ и невѣсть какое сокровище“.

Костя мечталъ и въ классѣ, шагая отъ стѣны къ стѣнѣ, заложивъ руки за спину.

Боже сохрани, если въ такую минуту кто-нибудь изъ товарищей подойдетъ къ нему и помѣшаетъ его уединенію! Ушинскій такъ недружелюбно, такъ сердито посмотритъ на него, что онъ тотчасъ же отскочитъ отъ пріунывшаго товарища, точно ужаленный.

Гимназіей своей Ушинскій былъ доволенъ. Руково-

дилъ ученьемъ въ ней почтенный старецъ и извѣстный ученый, Илья Ѳедоровичъ Тимковскій.

Онъ страстно любилъ науку и умѣлъ внушать къ ней благоговѣніе своимъ питомцамъ. Онъ вліялъ на учениковъ и въ другомъ отношеніи: это былъ глубоко вѣрующій человѣкъ, и его возвышенное религі-

Усадьба Ушинскаго.

озное настроеніе невольно сообщалось и воспріимчивымъ сердцемъ молодежи.

Бесѣды съ нимъ составляли большое наслажденіе для юношества. О чемъ онъ только не бесѣдовалъ! Начнетъ съ древнихъ римскихъ поэтовъ, а перейдетъ къ Библіи. И обо всемъ разсказываетъ очень интересно.

Постомъ онъ любилъ передъ ученіемъ самъ читать ученикамъ молитвы. Читалъ ихъ съ чувствомъ, съ выраженіемъ. И потомъ сейчасъ принимался пояс-

нять ихъ смыслъ. Потомъ съ увлеченіемъ распространяется о красотѣ выраженія молитвъ и пѣснопѣній и тутъ, для сравненія, сейчасъ же приводитъ на память длинные и интересные отрывки изъ сочиненій знаменитаго римскаго оратора Цицерона, историка Тацита, поэтовъ Виргилія и Горація.

— Кто хорошо переводитъ трудныя мѣста Горація или Тацита,,—говаривалъ онъ,—того я считаю развитымъ юношей. Тотъ далеко пойдетъ.

Эти слова произносились съ такою убѣжденностью, что всѣ имъ вѣрили. И учениковъ, отличавшихся въ знаніи древнеклассической литературы, всѣ товарищи особенно уважали, слушали ихъ, ухаживали за ними.

Даже „приготовишки“, какъ увидятъ семиклассника, знатока Горація, такъ толкаютъ другъ друга, пальцемъ показывая на него, какъ на знаменитость.

Директора и любили, и уважали, но и боялись. Страшно бывало каждому, когда онъ входилъ въ классъ. Всѣ трепетали.

— А вдругъ онъ меня спроситъ! да не дай Богъ, собьюсь, а то забуду! Что тогда? И вдругъ—розги!..

По большей части это былъ страхъ напрасный.— Сѣкъ онъ рѣдко. Да и то только „приготовишекъ“, А совсѣмъ безъ порки не могъ обойтись: что дѣлать, вѣкъ былъ такой.

Но, въ общемъ, отношенія учениковъ съ наставниками были хорошія.

Гимназія помѣщалась въ ветхомъ зданіи, построенномъ еще при Екатеринѣ Второй. Оно было длинное, низенькое, почернѣвшее. На крышѣ стояла будочка, скверненькая, украшенная флюгеромъ. Въ ней качался неугомонный колокольчикъ.

Окна въ старыхъ рамахъ дрожали. Подгнившіе полы, залитые чернилами и стоптанные гвоздями каблуковъ, скрипѣли и прыгали. Расколовшіяся двери притворялись плохо. Въ классахъ длинныя, старыя скамьи совершенно утратили свою первоначальную краску. Онѣ были изрѣзаны и исписаны многочисленными гимназистами разныхъ временъ за много, много лѣтъ.

Чего-чего только не было на этихъ скамьяхъ! И ящички самой замысловатой работы, и прехитрые, многосложные каналы для спуска чернилъ, и угловатыя человѣческія фигурки, солдатики, генералы на лошадяхъ, портреты учителей, множество изрѣченій, всяческіе обрывки уроковъ, которые иной ученикъ записывалъ, чтобы передъ отвѣтомъ повторять, и, наконецъ, клѣточки, для игры въ скубки.

Игра состояла въ томъ, что надо ставить три креста сряду. Кто успѣлъ поставить, тотъ далъ своего противника по игрѣ за чубъ.

„Плохо было это зданіе“,—вспоминалъ о гимназіи взрослый Ушинскій,—„но мнѣ жаль его, какъ жаль первыхъ и живыхъ сновъ своей дѣтской жизни“.

А, право, не скучно жилось Ушинскому съ товарищами. И веселились, и учились,—всего было вдоволь. Попадали въ руки и сласти: зайдутъ на площадь, когда очутится по нѣскольку копѣекъ въ карманахъ, и накупятъ у торговокъ бубликовъ, орѣховъ, шишекъ, арбузныхъ сѣмячекъ.

Учился Костя хорошо, наука ему давалась легко: онъ былъ очень любознателенъ и читалъ много книгъ. Это былъ умный, вдумчивый мальчикъ, который обо всемъ прочитанномъ постоянно размышлялъ. Особен-

но онъ любилъ думать и бесѣдовать мысленно съ собою, во время своихъ прогулокъ за городомъ.

Онъ былъ способнымъ малымъ и быстро усваивалъ себѣ все, за что бы не принялся. Года за два до окончанія гимназіи онъ принялся серьезно заниматься нѣмецкимъ языкомъ и вскорѣ достигъ такихъ быстрыхъ успѣховъ, что перевелъ знаменитаго нѣмецкаго писателя Шиллера легко и безошибочно, и притомъ не обращаясь къ помощи словаря.

Какъ-то разъ онъ и скажи товарищамъ:

— Хотите, я возьму какое-нибудь сочиненіе Шиллера и сразу буду вамъ говорить по русски все, дословно, что тамъ напечатано?

— Да, какъ же, держи карманъ пошире, ишь, расхвастался,—возразили гимназисты, возмущенные его хвастовствомъ.

Тогда онъ раскрылъ книгу на первой попавшейся страницѣ и сразу сталъ говорить по русски все, что тамъ сказано по-нѣмецки.

— Вретъ онъ, господа!—закричалъ Орловъ, очень самолюбивый юноша, который терпѣть не могъ видѣть себѣ соперниковъ въ чемъ бы то ни было.— Вотъ что, господа, спросимъ у „нѣмца“, пусть Ушинскій „нѣмцу“ переведетъ это мѣсто, тогда мы ему повѣримъ; а то ишь,—наговорилъ съ три короба: можетъ быть, онъ все это выдумалъ, можетъ быть, въ книгѣ сказано совсѣмъ не то,—какъ знать? Вѣдь, мы сами провѣрить его не можемъ, это ему и наруку.

Пришелъ нѣмецкій учитель, вызвалъ, по желанію учениковъ, Ушинскаго и заставилъ его перевести спорное мѣсто изъ Шиллера; тотъ перевелъ безъ запинки и безъ ошибки; учитель пришелъ въ восторгъ,

поздравилъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ, обнялъ и расцѣловалъ его, крѣпко пожавъ ему руку.

Съ тѣхъ поръ товарищи стали относиться къ Ушинскому съ большимъ уваженіемъ, и нѣкоторые, наиболѣе серьезные изъ нихъ, стали называть его не Костей, а Константиномъ Дмитріевичемъ.

Послѣдніе два года ученія въ гимназіи Ушинскій такъ увлекся чтеніемъ разныхъ книгъ по всякимъ отраслямъ знанія, что пересталъ готовить уроки и не выдержалъ окончательнаго экзамена.

Что тутъ дѣлать? Другой бы какъ растерялся! Но Константинъ Дмитріевичъ былъ не изъ малодушныхъ. Не падая духомъ, онъ собрался въ Москву, засѣлъ за учебники и отлично выдержалъ вступительный экзаменъ въ университетъ.

IV.

Въ университетѣ.—Добрый товарищъ.—Пристыдилъ.—Театръ.—Мочаловъ.—„Кровожадная“ трагедія.—Профессоръ лицея.—Его импровизація.—Отставка.—Бѣдные студенты!..

Ушинскій былъ усердно занимающимся студентомъ. Жилъ онъ очень скромно, такъ какъ состояніе у отца стало быстро приходить въ упадокъ, и нашему студенту часто подолгу не посылалось изъ дому ни гроша. Константинъ Дмитріевичъ, чтобы не умереть съ голоду, сталъ давать уроки, но уроки все были грошевые, такъ что онъ еле-еле могъ уплачивать за квартиру и за скудный столъ.

Но нашъ бѣднякъ не унывалъ. Онъ весело и дружно жилъ душа въ душу со своими сожителями, такими же бѣдняками, какъ и онъ самъ, и не разъ

дѣлился съ ними „послѣднимъ рублемъ и послѣдней трубкой табаку“.

Онъ не водилъ компаніи съ тѣми богатыми студентами, которые поступили въ университетъ не для того, чтобы набраться оттуда ума, а только для того, чтобы всѣ говорили о нихъ, какіе они образованные.

Такіе студенты не любили заниматься наукой, не интересовались знаніемъ, но думали только о томъ, какъ бы, при помощи какой-нибудь хитрости, выдержать экзаменъ, чтобы перейти на слѣдующій курсъ. Они прибѣгали ко всякимъ уловкамъ, чтобы угодить профессорамъ: ѣздили передъ самыми экзаменами къ нимъ съ визитомъ, поздравляли ихъ въ день именинъ, рожденія или какого-нибудь праздника, старались постоянно передъ лекціями, во время лекцій и послѣ нихъ торчать передъ самымъ носомъ профессора и т. п.

И какъ же издѣвался надъ ними Ущинскій!

— Вы,—пошлые,— дрянные людишки,— говорилъ онъ имъ съ искреннимъ жаромъ негодованія, — вы трусливые льстецы, низкопоклонники, позоръ товарищей, посмѣшище всего университета. Порядочный студентъ никогда вамъ не подастъ руки, и я первый отворачиваюсь отъ васъ съ презрѣніемъ. Убирайтесь вонъ отъ меня!

Тѣ сконфузились, потихоньку отходили отъ сердитаго товарища-судьи и впослѣдствіи старались чѣмъ-нибудь отплатить ему за его оскорбленія. Но онъ не унимался. Онъ былъ всегда правдивъ и смѣлъ.

Не всякій имѣетъ право строго судить и укорять другихъ за ихъ неправильное и недобросовѣстное поведеніе, а только тотъ, чья жизнь проходитъ безъ изъяна, безъ порока, безъ малѣйшей фальши.

А такова была жизнь нашего студента. Онъ ничего не дѣлалъ зря, необдуманно, никого даромъ не оскорблялъ, не позволялъ себѣ несправедливости.

Онъ велъ жизнь ровную, спокойную, и его единственнымъ удовольствіемъ были книги да театръ.

Какъ онъ любилъ театръ! Бывало, вынетъ изъ кармана послѣдній двугривенный, пойдетъ въ театръ, заберется на самый верхъ и неистово оттуда аплодируетъ знаменитому актеру Мочалову.

Мочаловъ такъ его увлекъ, что онъ рѣшилъ приготовить для своего любимца сюрпризъ: написалъ трагедію, и такую страшную, что герою пришлось бы въ ней все время, какъ говорится, рвать и метать, чуть-чуть не лаять и рычать.

Къ довершенію ужасовъ, къ концу пьесы всѣ дѣйствующія лица перемерли,—однихъ убили враги, другіе убили сами себя.

Мочаловъ только разсмѣялся, когда прочелъ эту рукопись, и сказалъ нашему неудачному драматургу:

— Милый мой другъ! Я очень вамъ благодаренъ за ваше ко мнѣ вниманіе, за вашу преданность и любовь, но, право, простите меня: если бы я не зналъ, что вы такъ молоды, я подумалъ бы, что вы—сумасшедшій человѣкъ. Ну, посудите сами, молодой мой другъ, развѣ бываютъ въ жизни такія исторіи, чтобы всѣ поминутно, безъ отдыха, безъ срока, проклинали, колотили и убивали другъ друга, дѣлали все время только одни злодѣйства, не имѣя ни минуты времени ни для пищи, ни для сна?

Ушинскій и сконфузился, и обидѣлся,—и долго не ходилъ въ театръ, разсерженный на актера, котораго онъ обозвалъ заносчивымъ человѣкомъ, а впослѣд-

ствіи, когда пылъ молодости и страсти улегся, онъ самъ хохоталъ надъ своей „кровожадной“ трагедіей.

Въ 1844 году Константинъ Дмитріевичъ окончилъ курсъ университета и былъ назначенъ профессоромъ въ Ярославскій Демидовскій лицей.

Съ жаромъ отдался онъ своему новому дѣлу. Онъ много читалъ, работалъ, добросовѣстно подготовлялся къ каждой лекціи, но вотъ въ чемъ бѣда. Ѣдетъ онъ на лекцію и обдумываетъ подробно весь планъ того, что будетъ говорить сегодня студентамъ. Пріѣзжаетъ, подымается на каѳедру, начинаетъ первую обдуманную имъ фразу, какъ вдругъ, благодаря обилію налетѣвшихъ на него новыхъ мыслей, онъ мѣняетъ весь задуманный планъ, живо, блестяще заводитъ рѣчь о томъ, что совсѣмъ не приходило ему въ голову раньше, горячо, съ увлеченіемъ развиваетъ свои оригинальныя мысли; увлеченіе его передается слушателямъ, и они всѣ, вмѣстѣ съ своимъ лекторомъ, не слышатъ звонка, не замѣчаютъ, что уже насталъ конецъ лекціи, что уже давно около дверей стоитъ другой профессоръ, дожидающійся своей очереди,— и только, когда терпѣніе этого послѣдняго окончательно истощится, и онъ обратится къ Ушинскому съ заявленіемъ, что пора кончать, а то онъ, профессоръ, уйдетъ,—Ушинскій, немедленно спустившись съ облаковъ своей пламенной фантазіи, страшно конфузится, проситъ извиненія и летитъ стремглавъ изъ аудиторіи, покрываемый громомъ аплодисментовъ очарованныхъ его рѣчью студентовъ.

Слушая эти пламенныя импровизаціи, студенты полюбили и ту науку, которой обучалъ ихъ талантливый профессоръ-ораторъ, и ту школу, гдѣ они слу-

шали незабываемые на всю жизнь уроки, и самого наставника-лектора.

Симпатіи студенчества ярко сказались тогда, когда они, какъ громомъ пораженные, узнали о его уходѣ изъ лицея.

Какъ тогда всѣ пріуныли! Рѣшили упросить его остаться.

Вотъ приходитъ къ Ушинскому цѣлая компанія, посланная отъ имени всѣхъ лицеистовъ.

Одинъ изъ нихъ—кудрявый, миловидный юноша—обращается къ Ушинскому съ рѣчью:

— Дорогой Константинъ Дмитріевичъ! Не покидайте насъ! Мы такъ привыкли къ вашему живому слову, такъ полюбили васъ, что не хотимъ примириться съ мыслію о разлукѣ съ вами. Останьтесь, ради Бога, для пользы вашихъ многочисленныхъ учениковъ. Вѣдь, мы знаемъ, что уйдете вы,—уйдутъ и другіе наши любимые профессора, потому что они могутъ работать только рука объ руку съ вами. Что же? Неужели вамъ все равно, какъ пойдетъ наше дальнѣйшее образованіе, удачно или нѣтъ, будемъ ли мы одиноки или пойдемъ впередъ подъ руководствомъ такого умѣлаго наставника, какъ вы?

Ушинскій очень былъ растроганъ этими рѣчами и, хотя и ушелъ изъ лицея,—ему нельзя было остаться,—но съ преданными ему учениками поддерживалъ всю жизнь самыя теплыя отношенія.

А осиротѣвшіе бѣдные студенты лицея часто, часто съ глубокимъ вздохомъ вспоминали про своего лучшаго, блестящаго профессора.

V.

Въ Петербургѣ.—Въ Гатчинскомъ институтѣ.—Заколдованные шкафы.—Исторія одного безумца.—Въ Смольномъ институтѣ.—Юная затворница.—Клѣтка отперта.

Константинъ Дмитріевичъ поселился въ Петербургѣ и поступилъ на службу въ одинъ департаментъ. Но тамъ пришлось прослужить ему не долго. Онъ вернулся къ любимому имъ учительскому труду и сталъ учителемъ Гатчинскаго института. Тамъ онъ сразу вызвалъ къ себѣ симпатіи учениць и съ каждымъ днемъ отдавался дѣлу все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ.

Лѣтомъ онъ получаетъ отъ редактора одного изданія нѣсколько нумеровъ англійскаго журнала, которые ему поручено было перевести на русскій языкъ.

Въ журналѣ было написано о томъ, какъ воспитывались дѣти въ Америкѣ. Тамъ, съ раннихъ лѣтъ, у нихъ закаляется тѣло и духъ, ихъ пріучаютъ и къ жару, и къ холоду, ихъ заставляютъ все свободное отъ уроковъ время проводить на воздухѣ, бѣгать взапуски цѣлыми компаніями, путешествовать, вести между собою ученые споры, бесѣдовать о прочитанномъ. — словомъ, — тамъ развиваютъ живыхъ, смѣлыхъ, здоровыхъ и бодрыхъ юношей, которые горячо любятъ школу, любятъ честный, разумный трудъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣютъ и повеселиться отъ души, умѣютъ и порѣзвиться на воздухѣ. Краснощекія, звонкоголосыя, подвижныя, находчивыя, ловкія,—вотъ какія растутъ тамъ дѣти.

Ушинскій, читая эти статьи, не могъ удержаться отъ искренняго и громкаго выраженія своихъ востор-

говъ:—„Ну, ладно-же: я—не я, если не устрою того же у себя въ институтѣ".

И онъ такъ увлекся дѣломъ воспитанія институтокъ, что разъ навсегда поклялся—не бросать никогда этого дѣла.

Ушинскій часто посматривалъ на два толстыхъ шкафа, думая: не велѣть ли взломать ихъ замки?

Дѣло въ томъ, что шкафы эти были какіе-то словно заколдованные. Къ нимъ никто не смѣлъ подойти, считая ихъ чуть не зачумленными. И это потому, что давно когда-то владѣлецъ этой таинственной библіотеки, бывшій инспекторомъ института, сошелъ съ ума. Какъ-то разъ бросился онъ на одинъ изъ этихъ шкафовъ съ книгами и дернулъ его изо всей силы; тотъ потрясся и началъ падать, чуть не навалился всею своею тяжестью на несчастнаго больного, да спасибо нянькѣ:—она оттолкнула старика отъ шкафа, шкафъ свалился, а больной принялся, было, бить няньку.

Но тутъ подоспѣла остальная прислуга, и инспектора увезли въ больницу.

— А, вѣдь, это онъ, сердечный, отъ книгъ, не иначе, какъ отъ этихъ проклятыхъ книгъ, рѣшился разсудка-то,—говорила потомъ няня, тяжело вздыхая и крестясь.—Вѣдь, онъ по цѣлымъ ночамъ не смыкалъ глазъ, сидѣлъ надъ этими книгами, все читалъ, все читалъ до тѣхъ поръ, пока глаза у него не помутятся.

Это была неправда: у старика сумасшествіе было наслѣдственное. Но легенда о томъ, что виновата во всемъ библіотека, и что въ ней хранятся безумныя книги, облетѣла весь институтъ, дошла до родите-

лей институтокъ; чтобы прекратить всѣ эти разговоры, начальство заперло шкафы и покрыло ихъ коврами.

Двадцать лѣтъ простояли такъ шкафы безо всякой пользы; наконецъ, по просьбѣ Ушинскаго, ихъ рѣшили отпереть.

И что же увидѣлъ Ушинскій въ шкафахъ? Безумныя книги? О, нѣтъ! Это были самыя знаменитыя, самыя мудрыя сочиненія о томъ, какъ надо воспитывать дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ добрыми, честными, умными, или, какъ читается въ молитвѣ, чтобы они выросли «родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу».

Ушинскій многому научился изъ этихъ книгъ и страстно полюбилъ свое педагогическое (воспитательное) дѣло.

— Этимъ двумъ шкафамъ,—признавался онъ потомъ,—я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и—Боже мой!—отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ въ педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновенный у насъ человѣкъ.

Въ сумасшедшемъ домѣ несчастный больной все время бредилъ о своихъ ученицахъ, объ ихъ воспитаніи, объ ихъ успѣхахъ, здоровьѣ, удовольствіяхъ. Когда наступало безуміе, онъ начиналъ метаться, звать ихъ по фамиліямъ и именамъ, нѣжными, ласковыми прозвищами, бѣгалъ по комнатѣ, крича:—„Гдѣ онѣ? гдѣ онѣ?“,—заглядывалъ подъ столъ, подъ стулья, въ ящики, бросался изъ угла въ уголъ и, наконецъ, измученный, усталый, падалъ на полъ и, бормоча

все тише и тише больнымъ, надтреснутымъ голосомъ: „бѣдныя, бѣдныя мои дѣвочки“,—засыпалъ крѣпко, на много часовъ.

Вскорѣ Ушинскій былъ назначенъ на должность инспектора Гатчинскаго института, потомъ на ту же должность въ Смольный институтъ.

И тутъ, и тамъ онъ сдѣлалъ много добра. Институтки, конечно, не всѣ могли понимать значеніе тѣхъ перемѣнъ во всемъ строѣ своей жизни, которыми онѣ были обязаны Ушинскому. Но всѣ, даже самыя маленькія изъ нихъ, прекрасно понимали, какъ онъ много заботится о нихъ, какъ онъ любитъ ихъ.

Поняли всѣ и то, что только изъ желанія добра ученицамъ Константинъ Дмитріевичъ уничтожилъ отдѣленія для слабыхъ учениць, которыя, благодаря этому, могли легко вздохнуть душою. Представьте себѣ, каково положеніе ученицы, которую берутъ изъ класса, говоря: „Ступай въ отдѣленіе для слабыхъ. Ты мало старательна, мало понятлива, шаловлива,— Богъ съ тобой: тебѣ здѣсь не мѣсто, слишкомъ много чести“.

И она, бѣдняжка, плачетъ, разставаясь со своими подругами, съ которыми вмѣстѣ училась, вмѣстѣ гуляла, играла, дружила,—и идетъ туда, гдѣ ждутъ ее новыя товарки, которыя, можетъ быть, совсѣмъ и не сойдутся съ нею по душѣ, будутъ ссориться съ ней. Возьмите во вниманіе и то, что на такую ученицу, которая переводится въ отдѣленіе для слабыхъ, всѣ институтки смотрятъ, какъ на отверженную неудачницу, либо еще хуже: какъ на дурную, глупую дѣвочку.

Какова же была радость такихъ бѣдненькихъ дѣ-

вочекъ, когда Ушинскій уничтожилъ это отдѣленіе и посадилъ ихъ рядомъ съ обыкновенными ученицами, съ такими же людьми, какъ и онѣ!

Онѣ стали тогда сами на себя смотрѣть съ большимъ уваженіемъ, старались поддержать свое достоинство, вести себя солидно, чтобы не быть хуже другихъ, и многія изъ нихъ вышли, въ концѣ концовъ, хорошими людьми, а нѣкоторыя попали въ число первыхъ ученицъ, какъ по успѣхамъ, такъ и по поведенію.

Другое нововведеніе обрадовало не только ученицъ бывшаго „слабаго“ отдѣленія, но и буквально всѣхъ институтокъ. Дѣло въ томъ, что Смольный институтъ не даромъ назывался монастыремъ. Въ немъ воспитанницы жили, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ заточеніи: цѣлыхъ девять лѣтъ ученья ихъ не выпускали изъ стѣнъ заведенія никуда, даже къ родителямъ на лѣтнюю побывку.

И какъ онѣ тосковали, бывало, по мамѣ, папѣ, нянѣ и всѣмъ своимъ домашнимъ! Когда онѣ возвращались по окончаніи курса домой, то чувствовали себя въ родномъ домѣ, какъ чужія. А каково было во время ученья не видаться съ родными! Особенно въ первые годы! Многія плакали по цѣлымъ ночамъ, завернувшись съ головой въ одѣяло, чтобы кто не услышалъ ихъ тихаго рыданія, не увидѣлъ заплаканныхъ глазъ! Многія съ горя по милымъ роднымъ повѣряли бумагѣ свою горькую тайну и изливали свои чувства въ дневникахъ, которые вели ежедневно, ревниво оберегая ихъ отъ празднаго любопытства подругъ.

Ушинскій навсегда уничтожилъ этотъ обычай за-

творничества, и воспитанницамъ были разрѣшены отпуски.

VI.

Благодарныя институтки.—„Дѣтскій міръ“ и его успѣхъ.—Поѣздка въ Швейцарію.—„Родное Слово“.—Тоска по Россіи.—Письма къ друзьямъ.—Новый трудъ.—Въ Россіи.—Сердитые уроки.—Въ кругу дѣтей.—Надежда отца.—Мечты о старости.—Болѣзнь.

Институтки, за неусыпныя заботы Ушинскаго о нихъ, полюбили его такъ, какъ никого, кромѣ самыхъ близкихъ своихъ родныхъ, да самыхъ дорогихъ подругъ! Надо было видѣть, какъ онѣ оживлялись, какія у нихъ дѣлались радостныя лица при всякой встрѣчѣ съ нимъ, чтобы понять, какъ онъ былъ для нихъ дорогъ, какъ онѣ его уважали, какъ цѣнили каждое его слово, даже каждый взглядъ.

Многія изъ его воспитанницъ живы и теперь, многія давно уже стали матерями и бабушками, и всякій разъ, какъ вспомнятъ о своемъ наставникѣ-другѣ, онѣ снова чувствуютъ себя помолодѣлыми, словно опять онѣ стали институтками, опять окружаютъ его тѣсною толпой, и слезы благодарности выступаютъ у нихъ на лицѣ.

— Да, если бы не нашъ добрый, милый Константинъ Дмитріевичъ, мы не вышли бы такими, какими вы насъ видите сейчасъ,—признаются милыя старушки, разсказывая своимъ дѣтямъ и внукамъ о томъ человѣкѣ, который воспиталъ ихъ, сдѣлалъ добрыми, умными, честными и благословилъ ихъ на свѣтлую, чистую, христіанскую жизнь.

Слава о Смольномъ институтѣ пошла по всей Россіи, и сюда стали ѣздить многія люди, желая поучиться у Ушинскаго, какъ надо воспитывать дѣтей, особенно дѣвочекъ, воспитаніе которыхъ было тогда такъ плохо поставлено.

Занятый институтскими дѣлами, которыя у него отнимали весь день съ утра до обѣда, а подчасъ и до вечера, Ушинскій немногіе свободные часы употреблялъ не на отдыхъ, а на усердный трудъ. Онъ цѣлыхъ три года провелъ надъ великой работой, надъ составленіемъ своей извѣстной книги „Дѣтскій міръ".

И, замѣтьте, какъ онъ скромно смотрѣлъ на себя и на свои силы! Всѣ его друзья, которымъ онъ показывалъ свою книгу въ рукописи, были въ восторгѣ отъ нея и не находили словъ для восхваленія ея творца, а онъ все былъ недоволенъ, поминутно дѣлалъ въ ней исправленія, волновался, сомнѣвался, стоитъ ли ее печатать, и хотѣлъ, было, ее совсѣмъ уничтожить.

Но друзья всѣ силы употребили на то, чтобы убѣдить его въ достоинствахъ этой книги, и онъ рѣшился выпустить ее въ свѣтъ въ количествѣ 3,600 экземпляровъ.

Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія: повсюду, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ провинціи, въ какомъ-нибудь захолустномъ Царевококшайскѣ, или Нахичевани,—всюду, всюду прославилась эта книга, и по ней въ первый же годъ по ея появленіи принялись учить родному языку въ самыхъ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а дѣти не разставались съ этой книгой по цѣлымъ днямъ, считая ее своимъ лучшимъ другомъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришлось Ушинскому печатать второе изданіе этой книги.

Вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей знаютъ „Дѣтскій Міръ“. Въ этомъ сборникѣ много и легкихъ разсказовъ и стихотвореній, и свѣдѣній о жизни и нравахъ животныхъ, и картинокъ, и все это читаютъ съ большимъ удовольствіемъ даже взрослые люди.

Императрица Марія Александровна, лично знавшая и уважавшая Ушинскаго, теперь, по прочтеніи его чудной книги, прониклась къ нему такой симпатіей, что рѣшила:

— Никто лучше Ушинскаго не сумѣетъ исполнить важнаго порученія—поѣхать за границу для изученія того, какъ воспитываютъ тамъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и что будетъ полезно перенять оттуда намъ.

Путешествіе должно было принести пользу и самому Ушинскому. Дѣло въ томъ, что онъ добрый, мягкій, все, всякое жизненное впечатлѣніе горячо принималъ къ сердцу, испыталъ много огорченій и, совсѣмъ еще не старикомъ, успѣлъ преждевременно посѣдѣть, осунулся, и на лицѣ у него появился подозрительный зловѣщій румянецъ, какой бываетъ только у больныхъ чахоткой.

Поѣздка въ Швейцарію, прогулки по тамошнимъ горамъ, на чудномъ воздухѣ, должны были возстановить его здоровье.

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, скоро поправился, сталъ много работать, усердно посѣщать швейцарскія народныя училища и такъ увлекся школьнымъ дѣломъ, что рѣшилъ сдѣлать что-нибудь хорошее и для русской школы. „Стыдно мнѣ,—говорилъ онъ,—побы-

вавъ въ чужомъ краю и увидавъ въ немъ такъ много хорошаго, не позаимствовать, не примѣнить этого хорошаго и къ нашей милой родинѣ".

И сталъ онъ составлять книгу для самаго начальнаго чтенія, для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ, написалъ ее, снабдилъ рисунками, и пошла съ тѣхъ поръ эта книга по всей Руси великой. Кто ея не читалъ? Кто ею не восхищался, кто не улыбался, читая въ ней веселые и забавные разсказы, сказки, поговорки, скороговорки, пословицы, шутки, хорошіе стишки, а также и серьезныя вещи, относящіяся къ наукѣ, и даже молитвы, самыя любимыя молитвы русскаго народа? Эта книга называется „Родное Слово".

Ни одна книга у насъ не имѣетъ такого широкаго, такого необыкновеннаго распространенія, какъ „Родное Слово". Она выдержала больше ста изданій; она ежегодно печатается по нѣскольку разъ въ тысячахъ экземпляровъ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ за границей, Ушинскій страшно затосковалъ по Россіи. Душа его такъ и рвалась туда, но здоровье еще не совсѣмъ позволяло ему вернуться на родину. Тогда онъ, для утѣшенія своего, принялся за усиленную, частую переписку съ друзьями, родными, знакомыми. Всѣмъ онъ желалъ добра, всѣхъ отъ души благословлялъ на добрыя дѣла, а молодымъ людямъ внушалъ—работать на пользу просвѣщенія русскаго народа, работать усиленно, энергично, не покладая рукъ, не жалѣя своихъ силъ.

„Теперь именно настаетъ пора,—писалъ онъ,—когда Россіи болѣе всего нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные,—и много, много школъ нужно! Крестьяне теперь освобождены,

чувствуютъ себя хорошо, бодро, надѣются на свѣтлое будущее, вѣрятъ въ свою звѣзду, жаждутъ свѣта знанія,—надо воспользоваться этимъ хорошимъ настроеніемъ, надо научить всему, чему мы только можемъ, а главное—развить ихъ умъ, освободить его отъ предразсудковъ, чтобы они имѣли истинное понятіе о вещахъ, чтобы они имѣли истинную, сознательную, разумную вѣру въ Бога, вѣру въ правду Христову, и стремились все больше и больше къ усовершенствованію себя, къ улучшенію своей жизни, къ благоденствію, къ предупрежденію всякаго лишняго горя, болѣзни, лишеній и всякой нужды. Школу, народную школу дайте Россіи,— и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу, Васъ ждетъ, господа, время лучшее, чѣмъ то, въ которое жили мы. Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ".

Не успѣлъ онъ окончить свое „Родное Слово", какъ принялся за составленіе и другой книги, въ которой онъ подробно разсматриваетъ, какъ слѣдуетъ воспитывать дѣтей. Эта книга—самое лучшее русское сочиненіе по этому предмету. Никто до него, ни послѣ него не сумѣлъ написать ничего, равнаго по достоинству съ этой книгой.

Въ 1867 году Ушинскій, наконецъ, вернулся въ Россію.

Тутъ онъ сталъ еще больше работать,—читать, писать, говорить въ публичныхъ собраніяхъ,— словомъ, старался всѣмъ, чѣмъ могъ,— и словомъ, и дѣломъ,—послужить родной странѣ.

Какъ ни обширны были всѣ эти труды, онъ находилъ еще время и на то, чтобы слѣдить за воспи-

таніемъ своихъ дѣтей. Онъ пригласилъ для нихъ хорошаго учителя и руководилъ его занятіями.

Самъ же онъ не могъ учить своихъ собственныхъ дѣтей. Онъ такъ всегда безпокоился, такъ волновался, объясняя имъ что-нибудь, такъ огорчался при малѣйшей неудачѣ, при пустяшной даже ошибкѣ кого-нибудь изъ своихъ сыновей или дочерей, что не въ силахъ былъ удержаться отъ сердитаго слова, скажетъ что-нибудь, въ родѣ: „пошелъ отъ меня, ты лѣнтяй, безъ всякаго смысла“, а потомъ сконфузится, покраснѣетъ, на глазахъ навертываются слезы, онъ, молча, потреплетъ обиженнаго ребенка за щеку, погладитъ по головкѣ, поцѣлуетъ торопливо и—скорѣе, быстрыми шагами удаляется къ себѣ, и долго, долго послѣ этого онъ не показывается изъ своего кабинета, пока совсѣмъ не уляжется его волненіе, чувство жалости къ обиженному дитяти и сознаніе своей предъ нимъ вины.

Но онъ любилъ такъ, по-просту, особенно вечеркомъ, сидѣть въ своей семьѣ, въ кругу домашнихъ, съ трубкою въ зубахъ и съ крошечнымъ малюткой на колѣняхъ, а близъ него на стульяхъ остальныя дѣти,—и слушаютъ всѣ, боясь словечко проронить, его чудесные разсказы, сказки, анекдоты, наблюденія, воспоминанія, а то и просто задушевныя, сердечныя его наставленія о томъ, какъ надо жить по правдѣ, всѣхъ любить и никого не обижать.

Окончитъ онъ свой разсказъ, и всѣ протянутъ — кто рученки, а кто руки къ милому разсказчику-отцу и расцѣлуютъ отъ души, обнявъ крѣпко, крѣпко папу.

Ушинскій сталъ особенно веселымъ и довольнымъ,

когда его старшій сынъ оканчивалъ курсъ гимназіи.

— Вотъ моя надежда,— заявилъ однажды Константинъ Дмитріевичъ, любуясь на симпатичнаго, талантливаго юношу.—Милый другъ,—обратился онъ къ нему,—скорѣй кончай гимназію, и мы съ тобою будемъ работать вмѣстѣ. А умру я,—ты будешь продолжать мое дѣло. Слава Богу, у меня есть теперь подъ старость и помощникъ, и поддержка, и преемникъ-замѣститель мой на случай смерти. Дѣтки! Слушайте его! Онъ вамъ—второй отецъ. Я самъ его люблю и уважаю, какъ хорошаго товарища. Съ нимъ мнѣ и горе теперь не горе, съ нимъ мнѣ утѣха—радость ты моя, дитятко мое!—нѣжно закончилъ онъ свою простую, ласковую рѣчь, и съ счастливою, блаженною улыбкой поглядѣвъ на сына, перекрестилъ его и пошелъ къ себѣ.

Но онъ долго не могъ заснуть. Онъ все мечталъ о той счастливой старости, которая ожидаетъ его къ тому времени, когда старшій сынъ добьется высшаго образованія, выйдетъ на дорогу, возьмется за устройство школъ по селамъ, деревнямъ, по самымъ захолустнымъ уголкамъ Россіи, напишетъ вмѣстѣ со старичкомъ-отцомъ какую-нибудь серьезную, большую книгу для дѣтей, для сельской школы, а быть можетъ, и для взрослыхъ,—для родителей и воспитателей, для сельскаго учителя,—ахъ, какъ счастливо, какъ разумно, какъ красиво,—да, да, красиво! — потому что есть на это средства, пріобрѣтенныя отъ безчисленныхъ изданій знаменитаго «Родного Слова»,— какъ чудесно заживутъ отецъ съ сыномъ и съ милою семейкою—и себѣ на удовольствіе, и родинѣ на славу... Ахъ, какъ хорошо!

Мечты, волшебныя мечты отца, влюбленнаго въ родного сына, не остановились на такомъ концѣ. Вотъ онъ уже видитъ, какъ его товарищъ-сынъ женился и учитъ ужъ своихъ дѣтей по «Родному Слову», какъ на помощь брату выступили теперь и взрослыя сестры, какъ открыли они вмѣстѣ образцовое народное училище; но дальше слѣдуютъ безсвязныя и смутныя картины, нить всѣхъ мыслей обрывается, и счастливый семьянинъ заснулъ...

Недолго, къ сожалѣнію, продлилась въ немъ та бодрость духа, что бываетъ только у людей вполнѣ здоровыхъ, крѣпкихъ, сильныхъ. Труды опять разстроили его здоровье. Онъ началъ снова кашлять и снова поѣхалъ за границу.

VII.

Въ Крыму.—Почетная встрѣча.—Какъ татары учатся русскому языку.—Съѣздъ народныхъ учителей.—Радость гимназистовъ.—Въ ущербъ здоровью.

За границей Ушинскій хворалъ еще больше, и врачи поторопили его скорѣе ѣхать въ Крымъ.

Тамъ скоро, уже черезъ мѣсяцъ, возстановились его силы, и онъ могъ даже позволить себѣ великое удовольствіе—проѣхаться по живописнѣйшимъ мѣстностямъ Крыма.

Когда онъ пріѣхалъ въ Симферополь, все мѣстное общество встрѣтило его съ особеннымъ почетомъ, какъ знаменитѣйшаго русскаго дѣятеля, оказавшаго своими замѣчательными трудами неисчислимыя услуги всей Россіи.

Его посѣтили лучшіе, самые уважаемые учителя и начальники учебныхъ заведеній. Директоръ народныхъ училищъ предложилъ ему проѣхаться въ Бахчисарай, чтобы осмотрѣть тамъ татарскія школы.

Ушинскій особенно заинтересовался узнать, какъ татары учатся русскому языку. Его ожидалъ пріятный сюрпризъ. Онъ вошелъ въ школу для взрослыхъ татаръ, готовившихся въ учителя татарскихъ народныхъ училищъ, и каково было удовольствіе для авторскаго самолюбія,—въ первый разъ въ жизни увидѣть, какъ учатъ по его книгѣ „Родное Слово“, да при томъ учатъ не русскихъ, а татаръ, да и татаръ не маленькихъ, а взрослыхъ людей, лѣтъ отъ 20 и до 35-ти, которые, во время этого посѣщенія, читали самые начальные склады.

Забавно было Ушинскому слышать, какъ солидный, серьезный мужчина, какой-нибудь Алибекъ Оглы, вытягиваетъ басомъ:

Ня-ня, ма-ма, па-па...

Очень пріятно было Константину Дмитріевичу узнать, что библіотеку каждаго ученика татарской школы, или медресе, составляютъ: коранъ, семь его толкованій на арабскомъ языкѣ и „Родное Слово“— первый годъ.

Вернувшись изъ Бахчисарая въ Симферополь, Ушинскій очень заинтересовался устроеннымъ здѣсь съѣздомъ народныхъ учителей, которые собрались со всѣхъ уѣздовъ Таврической губерніи, чтобы потолковать о своихъ дѣлахъ, о школахъ, дѣтяхъ,—о томъ, какими средствами вѣрнѣе достигать успѣха съ учащимися и т. п. Все это вопросы очень важные для каждаго учителя. А потому всѣ они очень

усердно посѣщали собранія и днемъ, и вечеромъ, хотя многіе изъ нихъ были очень утомлены тяжелымъ трудомъ, который имъ пришлось выносить на своихъ плечахъ въ теченіе цѣлаго учебнаго года. У нѣкоторыхъ лица были очень блѣдныя, худыя, но какъ они загорались сильнымъ румянцемъ, когда учитель увлекался чьей-нибудь рѣчью или споромъ, или какой-нибудь новою, счастливою мыслью, пришедшею ему въ голову внезапно!

Понятное дѣло, что такой страстный любитель дѣтей и школы, какъ Константинъ Дмитріевичъ, не могъ остаться равнодушнымъ при извѣстіи о томъ, что въ городѣ происходятъ уже нѣсколько дней подрядъ собранія множества сельскихъ учителей. Онъ захотѣлъ непремѣнно присутствовать на нихъ.

Собирались учителя въ зданіи мужской гимназіи. Тамъ они посѣщали и образцовые уроки, которые велъ для нихъ въ приготовительномъ классѣ одинъ изъ лучшихъ учителей гимназіи. Мальчики не боялись посѣтителей: они уже привыкли, что къ нимъ ходятъ въ классъ послушать, какъ ведутся уроки, многія постороннія лица.

Когда въ гимназію пришелъ домашній секретарь Ушинскаго справиться, можно ли Константину Дмитріевичу придти на съѣздъ учителей, учителя отвѣчали, что всякому позволяется здѣсь присутствовать, а Константинъ Дмитріевичъ окажетъ имъ великую честь, если удостоитъ ихъ своимъ посѣщеніемъ.

— Приходите, приходите къ намъ! — восклицали ученики.

А одинъ изъ нихъ, очень воспитанный мальчикъ,

вѣжливо протянулъ учителю свою рученку и привѣтливо замѣтилъ:

Мы будемъ очень, очень рады видѣть въ классѣ самого Ушинскаго: мы его любимъ за „Родное Слово“. Эту книгу читаемъ и перечитываемъ, и многіе ее знаютъ всю наизусть. Право! Кланяйтесь ему! Скажите, что мы его будемъ ждать съ нетерпѣніемъ; пусть, въ самомъ дѣлѣ, скорѣе приходитъ, — какъ интересно посмотрѣть на него!

— А что, онъ такой же веселый, какъ и его книга?—спросилъ другой бойкій мальчуганъ и прыгнулъ при этомъ,—такъ ему пріятно было вспомнить о веселой книгѣ.

— Такой же, такой же,—отвѣтилъ, улыбаясь, секретарь, привѣтливо раскланялся и ушелъ.

Придя домой, секретарь разсказалъ о своей бесѣдѣ съ учениками Ушинскому, и онъ былъ этимъ очень растроганъ. Но онъ былъ такъ скроменъ, что, придя на съѣздъ, постарался быть незамѣтнымъ и сѣлъ гдѣ-то сзади, среди публики. Онъ слушалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ все, что дѣлалось въ классѣ на образцовомъ урокѣ. Несмотря на слабость своего здоровья,—на то, что онъ очень быстро уставалъ, Константинъ Дмитріевичъ не ограничился посѣщеніемъ только утренняго урока. Онъ пришелъ въ тотъ же день и во второй разъ присутствовать на бесѣдахъ между учителями, которыя происходили во время съѣзда каждый день послѣ обѣда.

Нечего и говорить, что онъ такъ увлекся вопросами, которые обсуждались на съѣздѣ, что сталъ самымъ усерднымъ его посѣтителемъ. А, между тѣмъ, здоровье его ухудшалось со дня на день. Дѣло до-

шло до того, что среди самыхъ горячихъ, задушевныхъ своихъ разговоровъ съ учителями, въ моментъ самой страстной своей рѣчи, онъ вдругъ останавливался и хватался за свой платокъ: являлся усиленный припадокъ кровохарканья.

И все-таки онъ, оправившись на минуту, продолжалъ говорить и говорить, не обращая вниманія на свою усталость, слабость, наконецъ, на страшный вредъ, который причиняли его больной груди такіе непосильные для него, энергичные и продолжительные разговоры.

Когда кто-нибудь умолялъ его, ради сбереженія своихъ и безъ того уже угасавшихъ силъ, пожалѣть себя, поменьше горячиться въ спорѣ, то онъ отвѣчалъ:—„Ну, хорошо, хорошо, замолчу“. И замолчалъ въ самомъ дѣлѣ, прислушиваясь, однако, съ жаднымъ вниманіемъ къ тому, что говорили окружающія лица. Но это продолжалось не долго. Не проходило какихъ-нибудь двухъ-трехъ минутъ, какъ онъ, порывисто жестикулируя руками, вмѣшивался опять въ бесѣду, все громче и громче спорилъ, все больше и больше волновался, то и дѣло кашлялъ кровью въ свой носовой платокъ и неустанно, съ страстнымъ увлеченіемъ и любовью къ дѣлу народнаго просвѣщенія, по временамъ даже со слезами на глазахъ, все продолжалъ говорить и говорить.

Однажды ему кто-то изъ собесѣдниковъ прямо сказалъ: „Константинъ Дмитріевичъ! Мы всѣ привыкли такъ васъ уважать, такъ цѣнить вашу драгоцѣнную для Россіи жизнь, что не можемъ смотрѣть равнодушно на то, какъ плохо состояніе вашего здоровья. Берегите себя, ради Бога, не волнуйтесь, — иначе,

храни Богъ, пресѣчется ваша жизнь прежде, чѣмъ вы успѣли бы окончить большую книгу о воспитаніи, которую вы еще далеко не довели до конца. А это будетъ великая потеря для русскаго просвѣщенія".

Эти слова очень растрогали Ушинскаго.

— Господа,—отвѣтилъ онъ:—я бывалъ за границей на многихъ съѣздахъ народныхъ учителей; тамъ я не волновался. Но какъ не волноваться мнѣ здѣсь, гдѣ я на каждомъ шагу вижу свидѣтельство огромнаго успѣха Россіи, дающее мнѣ право вѣрить въ великое будущее русскаго народа? Я вижу около себя такихъ энергичныхъ, дѣятельныхъ, умныхъ и благородныхъ молодыхъ людей, что не могу не горевать при мысли о томъ, зачѣмъ мнѣ не дано здоровья, чтобы окончить начатую мною работу, которою я могъ бы послужить, мнѣ кажется, на пользу вамъ, дорогимъ моимъ друзьямъ.

VIII.

Отеческое внушеніе. — „Или мы, или онъ". — Исправленіе. — Стройное пѣніе.—Въ женской гимназіи.—Провожать или нѣтъ?

Дружескій тонъ, которымъ авторъ „Родного Слова" говорилъ съ простыми тружениками, сельскими учителями, его мягкость обращенія и простота быстро привлекли къ нему сочувствіе всѣхъ и каждаго. Часто люди высокаго образованія, выдающагося ума, пріобрѣтши славу, начинаютъ свысока, гордо держать себя при встрѣчѣ съ младшими и менѣе образованными людьми.

Ушинскій былъ не похожъ на нихъ. Онъ смотрѣлъ

на каждаго учителя, какъ на равнаго себѣ товарища, и скромно, терпѣливо, съ непритворнымъ уваженіемъ слушалъ всякое замѣчаніе и возраженіе, съ которыми обращались къ нему его собесѣдники. Вотъ за что его всѣ сразу полюбили, какъ родного, какъ старшаго товарища, какъ милаго друга. Всѣхъ тянуло къ нему, всѣ слушали его, всѣ обращались къ нему за совѣтомъ при всякомъ недоразумѣніи.

Только одинъ разъ Константинъ Дмитріевичъ вышелъ изъ себя. Одинъ учитель разбиралъ извѣстную книгу „Нашъ Другъ“, по которой и теперь еще учатся въ нашихъ школахъ. Книгу эту написалъ баронъ Корфъ, замѣчательный дѣятель по народному образованію. Учитель началъ ее сравнивать съ „Роднымъ Словомъ“ Ушинскаго и принялся расхваливать Ушинскаго, который при этомъ, какъ человѣкъ скромный, не любившій лести, морщилъ брови и, видимо, съ трудомъ удерживался отъ выраженія недовольства. Но когда ораторъ началъ говорить о сочиненіяхъ барона Корфа съ презрѣніемъ и принялся издѣваться надъ ними, говоря, будто они полны вздора и глупостей, и что не стоитъ ихъ читать, но тутъ Ушинскій не выдержалъ: лицо его разгорѣлось, покрылось красными пятнами, какія бываютъ у сильно больныхъ чахоткою, глаза лихорадочно заблестѣли, и онъ, прерывисто дыша и задыхаясь по временамъ, произнесъ порицателю Корфа горячую отповѣдь, сдѣлалъ ему истинно отеческое внушеніе.

— Простите меня, господа,—обратился онъ къ собранію,—хотя я здѣсь, на вашемъ съѣздѣ, простой гость, тѣмъ не менѣе я позволю себѣ высказать молодому человѣку, отнесшемуся такъ неуважительно

къ труду барона Корфа, мое глубокое несочувствіе. Я не люблю лести, а потому всѣ преувеличенныя похвалы этого господина считаю для себя скорѣе непріятностью, чѣмъ удовольствіемъ: превозносить одного человѣка свыше мѣры только для того, чтобы унизить другого, это очень, очень несимпатичный поступокъ. Конечно, книга Корфа страдаетъ недостатками; но скажите по совѣсти, молодой мой товарищъ, развѣ ваши труды не страдаютъ еще большими недочетами? Но кто же броситъ камнемъ въ ваши занятія? Я, по крайней мѣрѣ, хоть и замѣчалъ разные недостатки, промахи, ошибки многихъ изъ васъ здѣсь, господа, въ вашихъ пробныхъ урокахъ, однако, я не закрываю глазъ и отъ вашихъ хорошихъ сторонъ и отъ явныхъ признаковъ вашего успѣха, а потому сочувствую вамъ, радуюсь вашему усердію, отъ души желаю вамъ всего хорошаго и искренно скажу вамъ: *Слава Богу, слава Богу! Школьное дѣло двинулось на Руси!* И спасибо тѣмъ, кто своими трудами, по мѣрѣ силъ своихъ, способствуетъ этому успѣху,—а кто же, какъ не Корфъ, посвятилъ всю свою жизнь народному образованію и въ короткое время успѣлъ сдѣлать такъ много? А потому стыдно будетъ намъ, если мы будемъ неблагодарны къ такимъ благороднымъ общественнымъ дѣятелямъ. Надѣюсь, что мой молодой противникъ запомнитъ это дружеское увѣщаніе и впередъ иначе будетъ относиться къ лучшимъ нашимъ людямъ, — съ улыбкой закончилъ свою рѣчь Ушинскій.

Этотъ разговоръ происходилъ 13 іюля, во время послѣобѣденныхъ занятій. На другой день распорядителю съѣзда подано было заявленіе за подписью

всѣхъ учителей, въ которомъ требовалось удалить вчерашняго оратора со съѣзда.

— Онъ не выносимъ, онъ не уважаетъ лучшихъ людей,—съ негодованіемъ замѣтилъ одинъ учитель.

— Онъ оскорбилъ всѣхъ насъ, весь съѣздъ,—шумѣли педагоги. — Онъ не пожалѣлъ и нашего дорогого гостя своею грубою лестью.

— Развѣ вы не замѣтили, какъ Ушинскій, послѣ своей рѣчи, закашлялъ кровью?..

Однимъ словомъ, поднялся невообразимый шумъ. Волненіе учителей, и ихъ благородное, честное негодованіе начинало, къ сожалѣнію, выходить изъ предѣловъ: они не хотѣли подавать руки „дерзкому буяну“ и, горячась, все время только и говорили: „что-нибудь одно—или мы, или онъ“.

Весь городъ всполошился не меньше учителей. Бѣдный молодой человѣкъ, прогнѣвившій такъ всѣхъ вовсе не по злобѣ, а по легкомыслію и безтактности, не могъ найти себѣ мѣста. Онъ сдѣлался „притчей во языцѣхъ“, отъ него всѣ отворачивались, бѣгали, какъ отъ чумы, онъ совсѣмъ растерялся, собрался, было, уѣхать, но его выручилъ изъ бѣды все тотъ же милый и дорогой Константинъ Дмитріевичъ, который умѣлъ журить, но умѣлъ и прощать.

— Ради Бога, не раздувайте этой исторіи, уговорите учителей, ну, хотя бы отъ моего имени, чтобы они оставили молодого человѣка въ покоѣ: повѣрьте мнѣ, его и такъ уже мучитъ совѣсть, онъ понялъ свою ошибку и не забудетъ этого урока никогда. Вѣдь, я вижу, что хотя онъ заносчивъ и много о себѣ думаетъ, но онъ способный, дѣльный человѣкъ

и любитъ школу искренно, а потому и заслуживаетъ полнаго снисхожденія.

Такъ уговаривалъ Ушинскій распорядителя съѣзда.

Онъ и самихъ учителей увѣщевалъ, въ частной бесѣдѣ съ нѣкоторыми изъ иихъ, не дѣлать исторіи изъ этого пустяшнаго, какъ онъ увѣрялъ, обстоятельства.

— Я видѣлъ на своемъ вѣку,—сказалъ онъ имъ,— много горячихъ людей, которые служили подъ моимъ начальствомъ и у которыхъ языки были привѣшаны очень легко. И что же? Всѣ они, перекипѣвъ, сдѣлались примѣрными педагогами. Придетъ и для этого молодого человѣка время, когда онъ научится говорить, предварительно взвѣшивая каждое свое слово.

Но съѣзду не долго пришлось ждать исправленія своего товарища—„буяна“. Онъ съ каждымъ днемъ сталъ спокойнѣе и справедливѣе относиться къ чужимъ ошибкамъ и недостаткамъ, началъ терпѣливо выслушивать противниковъ въ спорѣ, чего съ нимъ раньше никогда не случалось, и въ концѣ концовъ, благодаря своей искренности, ясному уму и пониманію дѣла, сталъ самымъ любимымъ собесѣдникомъ Константина Дмитріевича.

Константинъ Дмитріевичъ интересовался буквально всѣмъ, что ни дѣлалось: одно одобрялъ, другое отрицалъ, и всякаго умѣлъ ободрить, поддержать, утѣшить. Съ нимъ каждый чувствовалъ себя хорошо, тепло: и дѣти, и большіе.

Разъ онъ пришелъ въ классъ и засталъ тамъ учениковъ, окруженныхъ народными учителями и вмѣстѣ съ ними стройно поющихъ подъ звуки фисъ-гармоніи пѣсню за пѣснею. Это согласное пѣніе учащихъ

и учащихся такъ тронуло чувствительное сердце Константина Дмитріевича, что у него показались слезы на глазахъ, и онъ еще разъ повторилъ свои слова, недавно имъ сказанныя въ собраніи учителей: „*Слава Богу, слава Богу, дѣло образованія двинулось впередъ*“.

Однажды, уходя изъ собранія, онъ обратился къ учителямъ съ такими словами:

— Совсѣмъ было, болѣзнь меня изнурила, но вы, господа, возбудили меня. Скоро я уѣзжаю въ Ялту, гдѣ думаю прожить недолго, затѣмъ уѣду къ себѣ въ деревню и вышлю оттуда всѣмъ вамъ на память по экземпляру моей книги: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“.

Въ Ялтѣ Ушинскій, по его словамъ, собирался не только лѣчиться, но и остаться совсѣмъ жить. Онъ хотѣлъ купить тамъ домъ и устроить реальную гимназію, чтобы больныя дѣти въ тепломъ краѣ, поправляясь здоровьемъ, могли въ то же время продолжать свое ученіе.

Въ одно утро Константинъ Дмитріевичъ не былъ на съѣздѣ учителей. Онъ былъ на экзаменѣ въ женской гимназіи въ приготовительномъ классѣ. Не смотря на свою болѣзнь, онъ просидѣлъ здѣсь отъ 9 часовъ утра до 3 пополудни и всѣхъ ученицъ проэкзаменовалъ самъ. Учительница этого класса была поражена тѣмъ, какъ онъ умѣетъ задавать ученицамъ вопросы, простые, ясные, но такіе, однако, изъ которыхъ можно было легко заключить, насколько понятлива, развита и подготовлена та или другая ученица.

На умные, толковые, простые вопросы давались

ясные и полные отвѣты, ученицы были очень довольны своимъ экзаминаторомъ, а онъ ими. И какъ доволенъ!

— Я не чувствую моей болѣзни,—говорилъ онъ, прощаясь съ учительницей приготовительнаго класса.

Когда стало извѣстно о днѣ отъѣзда Ушинскаго изъ Симферополя, то не только учителя, но и многіе изъ горожанъ, поклонники и почитатели его, хотѣли устроить ему пышные проводы и дать пиръ на славу. Но другіе, зная о его крайней нервности и боясь повредить его здоровью излишнимъ возбужденіемъ, отклонили отъ этого.

Однако народныя учителя и часть публики не согласились на ихъ доводы.

— Мы его проводимъ со всею нашею любовью и признательностью,—заявили они.

IX.

Прощальная бесѣда.—Опять споръ.—Послѣдняя рѣчь Ушинскаго.

Въ день отъѣзда Константина Дмитріевича утромъ явились въ гостиницу, гдѣ онъ остановился, самые страстные его поклонники, пришли въ общую залу, налили по бокалу шампанскаго и просили доложить отъѣзжающему, что они желаютъ проститься съ нимъ, выпить за его здоровье и проводить его въ дорогу.

Тотъ самый учитель, изъ-за котораго чуть, было, не разыгралась крупная исторія, произнесъ сочувственную, теплую рѣчь.

Ушинскій былъ очень разстроенъ, взялъ бокалъ и, выпивъ изъ него немного, сказалъ:

— Спасибо вамъ, господа, за доброе ко мнѣ расположеніе. Я любуюсь на васъ, на новыхъ учителей, и прихожу къ тому счастливому убѣжденію, что скоро настанетъ время, когда весь русскій народъ сознаетъ необходимость грамоты. Тогда будетъ изданъ законъ объ обязательномъ обученіи для каждаго русскаго человѣка. Предлагаю выпить за скорѣйшее осуществленіе мечты всей моей жизни: за обязательное обученіе въ Россіи.

Только что принялись учителя чокаться съ Ушинскимъ, какъ одинъ изъ нихъ возьми, да и скажи:

— А знаете, дорогой Константинъ Дмитріевичъ, хотя я и глубоко васъ уважаю, но думаю, что теперь было бы ввести обязательное обученіе очень и очень рано: не всякая семья можетъ отпустить мальчика въ школу, если онъ, по бѣдности родителей, долженъ остаться при нихъ работникомъ; потомъ, возьмите въ разсчетъ, въ сильный морозъ многимъ нельзя будетъ выходить изъ дому за недостаткомъ теплаго платья...

— А по-моему, все это—дѣло поправимое: было бы желаніе, средства найдетъ государство, — замѣтилъ другой учитель.

— А откуда оно ихъ найдетъ сразу? Все можно дѣлать только постепенно, и до обязательнаго обученія намъ еще долго не добраться, — возразилъ первый.

— Постойте, господа!—ввязался въ споръ третій:— вы забыли, что земство можетъ...

Но тутъ поднялся такой горячій споръ, всѣ стали, увлекаясь этимъ важнымъ и спорнымъ вопросомъ,

перебивать другъ друга, бѣдный Ушинскій нѣсколько разъ хватался за грудь, наконецъ, ему удалось заставить всѣхъ умолкнуть и слушать его увлекательную, прекрасную, убѣжденную рѣчь въ пользу обязательнаго обученія. Онъ говорилъ долго, говорилъ краснорѣчиво, доказательно, откашливаясь по временамъ кровью въ свой платокъ и отмахиваясь рукой отъ своего секретаря, который то и дѣло твердилъ ему:

— Константинъ Дмитріевичъ! Опоздаемъ! Пора кончить этотъ безконечный споръ. Опять заволнуетесь и будете до-нельзя утомлены весь день. Идемте скорѣе!

А учителя сами такъ увлеклись предметомъ спора, такъ интересовались возраженіями Ушинскаго, что забыли о его болѣзни, не слушали уговоровъ секретаря и впивались глазами въ своего дорогого противника по спору, стараясь не проронить ни словечка изъ его рѣчи, чтобы потомъ отвѣтить на каждое его положеніе своими замѣчаніями.

Наконецъ, Ушинскій опомнился и, улыбаясь, проговорилъ:

— Ахъ, господа, какъ жаль, что мы разстаемся: мы еще объ очень многомъ не успѣли поговорить, какъ слѣдуетъ,—Богъ знаетъ, свидимся ли опять и успѣемъ ли потолковать...

У всѣхъ въ этотъ день, вслѣдствіе мысли о разлукѣ съ такимъ драгоцѣннымъ, милымъ, добрымъ, умнымъ гостемъ, нервы были приподняты, имъ хотѣлось какъ можно больше поспорить съ нимъ, насладиться полностью его бесѣдой, чтобы послѣ долго, долго обдумывать и передумывать по поводу подня-

тыхъ въ этомъ спорѣ вопросовъ. Надо пользоваться радостнымъ случаемъ,—вѣдь, Ушинскаго, быть можетъ, они не увидятъ никогда...

Общее оживленіе заразило и учителей изъ татаръ.

— Мы васъ горячо, горячо, отъ всей души пожалѣли, какъ отца родного,—искренно говорили они ему и прикладывали руку къ своему сердцу.

Наконецъ, настали послѣднія минуты прощанія, когда Ушинскій сказалъ:—„теперь пора“. Тутъ выражены были отъѣзжающему пожеланія здоровья, силъ и долгихъ дней на пользу русскаго народа.

Ушинскій такъ развеселился и растрогался отъ всѣхъ рѣчей и пожеланій, что сказалъ горячую и увлекательную рѣчь:

— Товарищи-учителя! Я въ первый разъ увидѣлъ здѣсь, какъ хорошо не только русскіе, но даже инородцы научаются читать, писать и говорить по тѣмъ пособіямъ и руководствамъ, которыя составлены были мною. Польщенный и ободренный такимъ успѣхомъ, даю торжественное обѣщаніе—всѣ мои силы, всѣ способности, все время посвятить одной, но привлекательной задачѣ—трудиться для народной русской школы, которая возникла такъ недавно и потому нуждается въ усердныхъ дѣятеляхъ и самоотверженныхъ работникахъ. Э, да что говорить! Да я съ завтрашняго же дня начну работать!—воскликнулъ онъ въ заключеніе съ необыкновеннымъ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

Русскіе учителя размѣстились въ наемныхъ экипажахъ, татары быстро вскочили на своихъ верховыхъ лошадей...

X.

Благодушные наѣздники.—Джигитовка.—Мечты о семьѣ.—«А гдѣ же Паша?».—Страшная вѣсть.—Обморокъ.—Горе отца.

Ушинскій сидѣлъ рядомъ со своимъ секретаремъ въ плохомъ наемномъ экипажѣ. Страшная усталость была видна на его лицѣ: оно было задумчиво и грустно. За минутами возбужденія, такимъ образомъ, послѣдовалъ упадокъ силъ и неразлучно связанная съ нимъ душевная тоска. Онъ сидѣлъ, согнувшись, съ опущенной на грудь головой...

Замѣтивъ это, всадники-учителя изъ татаръ, желая утѣшить отъѣзжавшаго гостя, котораго они полюбили, какъ отца родного, вздумали развлечь его забавнымъ зрѣлищемъ. Они принялись джигитовать, т. е. скакать взадъ и впередъ, вертѣться вокругъ экипажа, въ которомъ сидѣлъ Ушинскій, то снимать, то надѣвать свои барашковыя шапки, то бросать платки на землю и ловко, не останавливая лошади, поднимать ихъ на всемъ скаку.

Благодушные наѣздники достигли своей цѣли, къ величайшему своему удовольствію. Константинъ Дмитріевичъ, глядя на ихъ молодцоватое гарцованіе и на доброе, простодушное выраженіе ихъ лицъ, видя, какъ они стараются его развеселить, забылъ на время свою тоску, сталъ улыбаться, одинъ разъ даже засмѣялся.

Такъ они проѣхали съ нимъ верстъ двадцать и, наконецъ, простились навсегда...

Приторговавъ въ Крыму себѣ небольшое имѣньице,

въ чудномъ уголкѣ, близъ Ялты, Константинъ Дмитріевичъ поѣхалъ къ себѣ въ деревню Богданку (Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда) и дорогой размечтался о своей семьѣ, по которой уже давно соскучился.

„Вотъ уже Паша (старшій сынъ) блестяще окончилъ курсъ гимназіи, и лихо заживемъ мы съ нимъ,— мысленно разговариваетъ Ушинскій самъ съ собой.— Теперь я могъ бы и умереть спокойно: за нимъ будетъ жить семья, какъ за каменной стѣной. Онъ выведетъ въ люди всѣхъ своихъ младшихъ братьевъ, что и говорить... А, впрочемъ, чего думать о смерти? Я, слава Богу, чувствую себя теперь превосходно, да и со временемъ поберегу свое здоровье: вотъ уже приторговалъ себѣ имѣньишко въ Крыму, въ хорошенькомъ мѣстечкѣ. Ялта—чудный уголокъ. Надо будетъ поскорѣе устроить дѣла свои дома, вернуться въ Крымъ, купить тамъ окончательно понравившееся мнѣ имѣньице, да и жить въ немъ тихо, спокойно“.

Съ такими мыслями пріѣхалъ Константинъ Дмитріевичъ домой. Обнявъ жену и маленькихъ дѣтей, онъ спросилъ:

— Гдѣ же Паша? Что онъ не вышелъ ко мнѣ?

—Паша спитъ во флигелѣ; онъ утомился на охотѣ,—отвѣчала ему жена.

— Ну, и Богъ съ нимъ, не будите его, пожалуйста, пусть себѣ поспитъ, кстати хорошо отдохнетъ и отъ экзаменовъ.

Дѣло было вечеромъ. Усталый отъ дороги, Константинъ Дмитріевичъ заснулъ, мечтая завтра рано утромъ разбудить своего Пашу и вдоволь наговo-

риться съ нимъ о разныхъ своихъ планахъ и предположеніяхъ, да и мало ли о чемъ!

Вотъ онъ проснулся ранымъ-рано, на разсвѣтѣ, и обратился къ старому лакею:

— Иванъ! Пойди посмотри, спитъ ли Паша.

Лакей уходитъ, но черезъ секунду возвращается и стоитъ передъ бариномъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ну, что же ты не идешь къ Пашѣ?—удивился онъ.

— Виноватъ, Константинъ Дмитричъ, простите меня, неразумнаго старика...—бормочетъ Иванъ, и слезы ручьемъ текутъ изъ его глазъ.

— Что съ тобой?—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Константинъ Дмитріевичъ.

— Да что, баринъ дорогой, простите, не знаю, какъ и сказать вамъ,—горе! большое горе! Охъ-ти мнѣ, Господи!

— Да что? Въ чемъ дѣло? —крикнулъ на него Ушинскій съ нетерпѣніемъ, отчаянно смотря ему въ глаза и словно догадываясь о какомъ-то ужасномъ горѣ.—Говори же, несчастный! Говори все, все, скорѣе,—ну!

— Эхъ, да что тутъ дѣлать! Приходится сказать всю правду: померъ онъ, голубчикъ...

— Что? Кто померъ? Что ты врешь, неразумный!..

— Да Паша, Павелъ-то Константиновичъ, убились на охотѣ, изъ ружья въ себя попали...

Опрометью, раздѣтый, со всклокоченными волосами на головѣ, бѣжитъ несчастный отецъ, направляясь прямо къ флигелю, рѣшительно не вѣря словамъ старика...

Лакей не могъ его догнать; прибѣжавъ во флигель, онъ засталъ его уже лежащимъ на полу въ глубокомъ обморокѣ.

Оказывается, что Павелъ Ушинскій, только что окончивъ свои выпускные экзамены, поѣхалъ домой, въ родной хуторъ, и съ увлеченіемъ отдался деревенскимъ удовольствіямъ: прогулкамъ, охотѣ, катанью на лодкѣ. У него было собственное ружье, подаренное Константиномъ Дмитріевичемъ еще когда они были за границей, и револьверъ.

Затѣялъ Паша прогулку съ гостями на линейкѣ въ мѣстечко Воронежъ. Онъ навѣсилъ на себя всѣ свои охотничьи принадлежности: сумку, пистонницу, револьверъ и ружье. Возлѣ него справа сидѣлъ на линейкѣ его товарищъ.

— Что ты меня все толкаешь въ бокъ своимъ револьверомъ?—проворчалъ товарищъ,— перевѣсь его на лѣвое плечо!

— Ахъ, ахъ!—съ ужасомъ вскрикнула нервная барыня, сидѣвшая на другой сторонѣ линейки,—ради Бога, Павелъ Константиновичъ, снимите ремень съ праваго плеча, а то вы какъ нибудь еще толкнете сосѣда, да, храни Богъ, вдругъ курокъ спустится... Ради Бога, послушайте меня!

Паша былъ добродушный и любезный юноша; онъ не заставилъ долго себя уговаривать и съ улыбкой на лицѣ исполнилъ желаніе спутниковъ.

Вотъ уже лошади подъѣзжали къ мѣстечку, и Паша, предупреждая ихъ остановку, соскочилъ съ линейки; сумка ударилась о револьверъ, и произошелъ выстрѣлъ: пуля попала ему въ бокъ, пошла вверхъ и засѣла въ плечѣ.

Дали знать несчастной матери, которая немедленно поспѣшила на мѣсто катастрофы и привезла въ Богданку еле живого сына.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ скончался, въ полдень его похоронили на богдановскомъ кладбищѣ, а къ вечеру пріѣхалъ отецъ...

Наскоро очнувшись отъ обморока, Ушинскій заперся на замокъ въ своемъ кабинетѣ и не показывался оттуда въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Все въ домѣ затихло, всѣ ходили на цыпочкахъ, и только среди мертваго всеобщаго молчанія раздавались на всѣ комнаты протяжные стоны обезумѣвшаго отъ горести отца, поминутно повторявшаго, словно въ бреду:

— Паша! Паша!.. Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть, не можетъ быть!...

Затѣмъ слѣдовали ужасающія продолжительныя рыданія.

Съ этихъ поръ онъ совсѣмъ измѣнился, сталъ угрюмъ, молчаливъ, погрузился весь въ заботы о хозяйствѣ, входилъ во всѣ, даже самыя мелочныя подробности домашнихъ дѣлъ, лишь бы всѣми этими хлопотами какъ-нибудь заглушить неотвязную, удручающую тоску.

Осенью онъ перевезъ всю семью въ Кіевъ, а двухъ старшихъ дочерей помѣстилъ въ тамошній институтъ.

XI.

Въ Кіевѣ —Пѣсенка спѣта.—Горькое предчувствіе.—„Побольше бы свѣта“.—„Ундина Жуковскаго“.—„Блажени мертвіи“.

Тяжело ему жилось въ Кіевѣ. Сиротой онъ себя чувствовалъ тамъ. Мысль о бѣдномъ Пашѣ не давала ему покоя, не давала ему сна, не покидала его ни на минуту.

„Хорошо ли мнѣ въ Кіевѣ,— писалъ онъ одному другу.—Увы, не хорошо! Душитъ глушью, и ничего близкаго сердцу. Но думаю, что для семьи моей будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Обо мнѣ уже думать нечего: моя пѣсня, кажется, окончательно уже спѣта“.

Доктора, замѣчая признаки угрожающаго Ушинскому возвращенія болѣзни, совѣтовали ему ѣхать въ Крымъ, а, между тѣмъ, самого его такъ и тянуло въ Петербургъ, гдѣ онъ прожилъ цвѣтущіе годы своей жизни, въ разгаръ своей кипучей дѣятельности, особенно по институту. Ему припоминалось многое хорошее старое, хотѣлось навѣстить знакомыя мѣста, поглядѣть на старыхъ друзей, на взрослыхъ теперь, а когда-то совсѣмъ юныхъ своихъ ученицъ...

„Худъ ли, хорошъ ли Петербургъ, — писалъ онъ въ это время знакомому,—но я съ нимъ сжился сердцемъ, въ немъ протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя, и радости, и много проработано; тамъ я таскался безъ куска хлѣба, и тамъ же составилъ состояніе;

тамъ я напрасно искалъ мѣста уѣзднаго учителя и бесѣдовалъ съ царями; тамъ я былъ невѣдомъ ни одной душѣ и тамъ пріобрѣлъ себѣ имя,—надѣюсь, честное, — и вотъ почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербургъ, и что, по всей вѣроятности, мнѣ уже болѣе не видѣть его".

Къ несчастью, предчувствіе его исполнилось.

Такъ какъ доктора окончательно объявили ему, что онъ себя погубитъ, если не поѣдетъ на югъ, то онъ отправился въ Крымъ съ двумя меньшими своими сыновьями—Костей и Волей, но дорогою простудился и, остановившись въ Одессѣ, слегъ въ постель: у него открылось воспаленіе въ легкихъ.

Догадываясь, что приближается его смертный часъ, онъ немедленно телеграммой выписалъ изъ Кіева остальную свою семью.

21 декабря 1870 года онъ скончался, на 47 году своей жизни. Часа за четыре до смерти онъ почувствовалъ полное облегченіе, говорилъ, что теперь ему хорошо, очень хорошо, но только недостаетъ одного: „Свѣта! Побольше бы свѣта!"

Замѣчательное совпаденіе: за полвѣка передъ кончиною Ушинскаго эти же слова, умирая, произносилъ другой необыкновенный человѣкъ, геніальный нѣмецкій писатель, Гете: „Побольше свѣта!"...

Да, оба они,—и нѣмецкій, и русскій великій человѣкъ,—всю жизнь стремились къ свѣту. Одинъ освѣтилъ свѣтомъ своего генія весь христіанскій міръ, другой всю жизнь мечталъ, жаждалъ о свѣтѣ просвѣщенія для своего родного, дорогого народа..

Ушинскій все еще жаловался на недостатокъ свѣта, даже когда зажгли четыре свѣчи, потомъ шесть, наконецъ, всю комнату кругомъ освѣтили яркимъ свѣтомъ,—тогда Константинъ Дмитріевичъ пожелалъ покинуть кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, пожелалъ лечь въ постель и одѣться въ чистое бѣлье.

Когда все это было исполнено, онъ попросилъ своего родственника читать „Ундину“ Жуковскаго.

Это—тихая, спокойная, полная нѣжной поэзіи исторія жизни и страданій прекрасной, веселой, водяной феи, которая безпечно рѣзвилась, какъ и та свѣтлая стихія, изъ которой она вышла. Она жила безъ горя, безъ заботъ и даже безъ сознанія, пока не полюбила рыцаря. Рыцарь ее покинулъ,—и наступили для нея тяжелыя страданія.

Тогда она впервые поняла, и что такое счастье, и что такое горе, обратилась, такимъ образомъ, изъ существа стихійнаго, бездушнаго и безсознательнаго въ разумное, но жалкое, несчастное созданіе.

Такова сила страданія: оно даетъ намъ разумъ и свѣтъ истины и пониманія ея...

Когда чтеніе „Ундины“ окончилось, Ушинскій позвалъ къ себѣ всѣхъ дѣтей и, какъ всегда онъ дѣлалъ на ночь, усердно помолился вмѣстѣ съ ними, благословилъ ихъ всѣхъ на сонъ грядущій, всѣхъ перекрестилъ, простился съ ними и—уснулъ... уснулъ навѣки.

На крестѣ его памятника написано:

„Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ за ними“.

Дѣла его никогда не забудутся. Они живутъ тою же вѣчною жизнью, которою живетъ его душа.

Да будетъ вѣчно памятенъ его завѣтъ:

„Побольше свѣта“.

Да, побольше свѣта просвѣщенія для русскаго народа!

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ик-№52849

Книгоиздательство Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.
Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

ЕРМИЛОВЪ, В. Е. Великій артистъ-крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Біографическій очеркъ. Съ двумя портретами. 4-е изд., исправленное и дополненное. Ц. 40 к. Гл. У. В. У. З. одобрена для ротныхъ библ. кадет. корп. («П. Сб.» № 4, 98), а также допущена для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. город., по Полож. 1872 г., учил. и въ безплатн. нар. чит. и библ. (Отн. № 36351, отъ 29 декабря, 1910 г.).

— **Юность Добролюбова.** Съ рис. худож. А. Апсита. Ц. 30 к.

— **Гордость вѣка.** (Н. И. Новиковъ). Біографическій очеркъ Съ портр. и 2 рис. Ц. 15 к.

— **Отъ лакейской до дворцовыхъ палатъ.** Разсказъ о дѣтствѣ и юности великаго артиста и человѣка М. С. Щепкина. Съ рис. Ц. 45 к.

— **Нашъ родной учитель.** (К. Д. Ушинскій). Съ портретомъ. 3-е изд., исправл. и допол. Ц. 30 к. Гл. Упр. В. У. Завед. книга рекомендована для пріобрѣтенія въ библ. кадетскихъ корп. для чтенія кадетамъ III, IV и V классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1911 г.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССІЯ“

(„Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Отдѣломъ Ученаго Комитета по начальному образованію Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки высшихъ начальныхъ училищъ.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

безплатныхъ приложеній.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

---

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:		«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:	
Безъ доставки на годъ	4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ	5 р. — к.
Съ достав. и пересылк. на годъ. .	5 » — »	Съ достав. и перес. на годъ. . .	6 » — »
Безъ доставки на 3/4 года. . . .	3 » 50 »	Безъ достав. на 3/4 года	3 » 75 »
Съ достав. и перес. на 3/4 года. .	3 » 75 »	Съ достав. и перес. на 3/4 года. .	4 » 50 »
Безъ доставки. . . на 1/2 года. .	2 » 25 »	Безъ доставки . . . на 1/2 года. .	2 » 50 »
Съ достав. и перес. на 1/2 года. .	2 » 50 »	Съ достав. и перес . на 1/2 года. .	3 » — »
Безъ доставки. . . на 1/4 года. .	1 » 15 »	Безъ доставки . . . на 1/4 года. .	1 » 25 »
Съ достав. и перес. на 1/4 года. .	1 » 25 »	Съ достав. и перес . на 1/4 года. .	1 » 50 »

Подписная цѣна на „Педагогическій листокъ“ (безъ „ЮНОЙ РОССІИ“) ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.
За перемѣну адреса 28 коп. марками.
Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 руб., 1/2 стран.—20 руб.

Редакторъ-Издательница *Е. Н. Тихомирова.*

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ, домъ № 18. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССІЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Е. Н. Тихомировой высылается безплатно.